

ПОЛОМАННАЯ

— Мария Слунцкая —

18+

Мария Слуницкая

Поломанная

<https://litres.ru/74436889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой мучитель давно гниёт в могиле, но шутка в том, что Чудовище невозможно убить в собственной голове. Ад не остался в прошлом – он просто переехал в мои мысли. Теперь я живу в лесной глуши, считаю шрамы и медленно сливаю свою жизнь в унитаз.

Увы, поломанный мир рушится, когда мне меняют психотерапевта. Новый врач намерен залезть в самые темные углы моей искалеченной души. И что делать, если у этого доктора есть свои, куда более пугающие, скелеты в шкафу?

– Не стоило тебе приходить – он знает, зачем я здесь.

Подхожу ближе и касаюсь его спины. Кожа горячая и Док резко оборачивается. Опять поражаюсь тому, как он огромен. Рука сама тянется к небритой щеке. Щетина на ощупь жёсткая и мягкая одновременно. Приятно

– Я ведь мужчина! – рваный вдох. – И я не железный.

– Ты не железный, – подтверждаю я, – ты настоящий. – Пробегаю указательным пальцем по его нижней губе.

– Но я твой врач – произносит он хрипло, но все же не отстраняется, что придаёт мне уверенности.

– Так излечи меня...

Содержание

Глава 1. Грёбаное доброе утро	5
Глава 2. Поезд	17
Глава 3. Добро пожаловать!	20
Глава 4. «Долгожданная» встреча	26
Глава 5. Не мой день	33
Глава 6. Падение в воду	44
Глава 7. На поверхности	62
Глава 8. Погружение	72
Глава 9. Начало долгого пути	84
Глава 10.	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Мария Слуницкая

Поломанная

Глава 1. Грёбаное доброе утро

Крадусь по тёмному коридору, стараясь угадать, какие половицы окажутся скрипучими.

Будь у меня зритель, он бы решил, что я играю в классики. Прыг. Скок. Прыг. Скок. Совсем как в детстве.

Только я уже не ребёнок, и играть теперь приходится взрослому. И мне нужно постараться, иначе Чудовище снова победит. Останавливаюсь и слушаю. Спешка – дитя страха. А страх неизменно приводит к поражению. В этот раз все должно получиться. Сегодня я вырвусь из ада, пусть у меня и нет на руках обратного билета.

А вот и дверь. Берусь за ручку и медленно тяну на себя. Стоп... Если потянуть ещё, она заскрипит, и он услышит. Кое-как протискиваюсь и снова замираю. Вроде тихо. С лёгкостью добираюсь до стола и выдвигаю левый ящик... В свете желторотой луны поблёскивает лезвие ножа. Моё спасение. Касаюсь пальцами рукоятки. Металл обжигает холодом, но я не отступаю. Время пришло. Нож уже у меня в руке, когда позади раздаётся мерзкий шёпот:

– Ты не сможешь от меня избавиться.

Резко оборачиваюсь, выкидывая для защиты руку с ножом. Чудовище здесь... Передо мной.

– Брось... – шипит он, приближаясь ко мне. – Я – часть тебя и всегда буду с тобой.

Его лицо кажется безумным и будто утопает в душной темноте. Нет, не так. Его лицо – порождение самой тьмы.

Пячусь назад, но упираюсь спиной во что-то твёрдое. Столешница больно впивается в поясницу. Бежать некуда. Силюсь закричать, но не могу издать ни звука. Так всегда бывает, если он оказывается рядом. Он прав. Я принадлежу ему. Пальцы слабеют, выпуская нож. Он опять победил. Он снова меня обыграл.

– Как тебе моя игра? Неужели ты думала, что тебе удастся сбежать? – Чудовище приближается, а меня начинает трясти. – Ты моя и так будет всегда! До самой твоей смерти... А когда тебе можно умереть, решу тоже я...

В его руке мелькает оранжевый огонёк. В нос ударяет запах табачного дыма. Ужас пронзает грудь, будто нож, которым я так и не сумела воспользоваться.

– Ты ничему не учишься... Тебя следует наказать... Он берёт мою руку и поворачивает ладонью вверх. Хочу вырваться, но ничего не выходит – тело не слушается, даже дышать не выходит. Жёлтая капля огня опускается на ладонь, дикая боль впивается в кожу, и я наконец-то начинаю кричать.

Вырываю руку и бросаюсь к потерянному ножу. Хватаюсь за него, будто утопающий за соломинку.

– Не подходи!

– Знаешь, что? Мне это уже надоело... – он медленно наступает. – Пожалуй, надо бы тебя наказать... Белая комната или тёмная?

– Нет... Нет, пожалуйста...

– Хотя лучше использовать твою любимую воду. Мне нравится слушать твои крики, нравится видеть, как ты корчишься в судорогах, а потом нравится брать тебя такую податливую и мягкую, почти мёртвую... Почти...

Он делает шаг, двигаясь, словно тень. Тень, которая причиняет настоящую боль. Замахиваюсь и с криком бросаюсь на него и... открываю глаза. Щурюсь от яркого света.

Никого. Я у себя в гостиной. Одна.

Я прикончила его. Он давно гниёт в могиле.

Но вся шутка в том, что он оказался прав. Чудовище можно убить, но только не в собственной голове. Рука до сих пор горит там, где он оставил ожог. Растираю шрамы пальцами, как будто это может помочь. Смешно, но ни мои жалкие попытки, ни годы терапии не смогли ничего изменить. Даже таблетки уже не спасают.

Голова раскалывается так, будто топором прошлись. Делаю неимоверное усилие и отрываю затёкшее тело от кресла. Опять не дошла до спальни. Хотя это не так уж и страшно – в спальне положено спать, я же давным-давно утратила эту роскошь. А корчиться от кошмаров можно и здесь.

Глубоко вздыхаю и нетвёрдой походкой направляюсь в

душ, по дороге избавляясь от мятой одежды. На пороге замираю, как вкопанная.

Как и вчера. Как и год назад.

Кажется, что этот страх со мной всю жизнь. Ненавижу себя.

Всё-таки переступаю порог и, боясь передумать, влетаю в кабину. Каждодневный ритуал, осточертевший до колик в животе. Или колики от голода? Когда я в последний раз нормально ела? Не помню. Да и не все ли равно?.. Капли стекают по телу, зажимаюсь изо всех сил, чтобы не завизжать. Прогресс все же есть – раньше я выла в голос, потом лишь скулила и плакала. Сейчас нет и этого.

Но избавиться от привычки жмуриться, никак не могу. Заставляю себя проходить через «любимую» экзекуцию каждое грёбаное утро. И все бы ничего, только никак не пойму – зачем мне все это?.. Можно неделями не мыться, слова никто не скажет – попросту некому, но я упорствую, заставляя себя раз за разом участвовать в собственной казни.

Ухмыляюсь под струями ледяной воды, ласкающей моё никому ненужное тело. Улыбаюсь своим мыслям. Возможно, других одиночество угнетало бы, но не меня. Я же им наслаждаюсь. Звучит пафосно, особенно для той, что не желает топтать эту грешную землю.

Срываю с крючка полотенце – конечно, его не мешало бы поменять... Раздумываю секунду.

Нет, завтра...

Обманиваю себя, надеясь, что завтра вообще никогда не наступит. Совершенно голая шлёпаю в кухню, не заботясь об одежде. Не вижу смысла, ведь живу я в лесной глуши за городом и совершенно одна. Да что там... Поставьте меня в центр самой оживлённой площади, я и там буду чувствовать себя так же.

Чувства.

Мне казалось, я на них давно не способна. Когда тебя ломают, пытаются, калечат, перемалывают душу в кровавое месиво, ты даже радуешься способности больше не чувствовать. Только человек устроен так, что чувства никуда не исчезают. Иногда ты их замораживаешь в тщетной попытке себя защитить, но проходит время, и они вновь оттаивают, а потом и вовсе текут рекой, в конце концов, превращаясь в бурный поток водопада. Другой вопрос, что вода в нем мутная и отдаёт гнилью.

Открываю холодильник и... закрываю. Пусто. Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз закупалась провизией. Кажется, целую вечность назад. Хотя нет. Вечность назад я находилась совсем в ином месте – в подвале сумасшедшего, который...

Встряхиваю головой, стараясь прогнать жуткие воспоминания – от них до сих пор кровь стынет в жилах. Бесполезное занятие, если честно, но привычку из себя так просто не вытравишь, особенно, когда ещё и докторша пытается тебя наставить на путь истинный:

Вы должны жить дальше.

Со временем станет легче.

Наступит момент, и всё произошедшее покажется дурным сном.

В чём-то она оказалась права. От произошедшего до сих пор дурно. И сны отнюдь не лучше.

Вздыхаю. Нахожу на столе старую вазочку, доставшуюся от бабушки... Ничего особенного – обычное дешёвое стекло, но память есть память. Нашариваю на дне старый сухарь и кладу в рот. Десну царапают шершавые крошки, но я давно не обращаю внимания на такие мелочи. Жую себе дальше и думаю, чем заняться сегодня.

В прежние времена я была занята мыслями о побеге... А теперь, когда моя жизнь приобрела оттенок обычности и даже некой нормальности, я мечтаю безвозвратно слить её в унитаз, потому что не знаю, каково это – просто жить. Не помню, не понимаю. Вот и погрязла в воспоминаниях. Похищение. Подвал. Насилие. Боль. Страх. Бесконечный ад. Как-то парадоксально выходит. Раньше я выживала, как умела, и у меня совершенно не было времени копать во всем этом дерьме. Сейчас я на свободе и могу не бояться за своё благополучие, но светлое небо над головой принесло иные проблемы – теперь я слишком много думаю. И иногда мне кажется, что выживать было проще, чем ковыряться в себе... Жуть. У моего психотерапевта волосы дыбом встанут от таких признаний. Поберегу её укладку и оставляю бредовые мысли при

себе.

Дожевав скудный завтрак, решаю все-таки наведаться в спальню, чтобы одеться. Давно не слежу за своим гардеробом, поэтому, не глядя, достаю из шкафа выцветшие джинсы и растянутую футболку. Гляжу в зеркало. Шмотки висят лохмотьями – я слишком худая для них... Под глазами мешки... Врач будет недовольна. Ничего, до обязательного приёма в городе ещё куча времени, наверстаю... Тяжело вздохнув, подхожу к календарю, висящему на стене и глупо таращусь на него.

Какое сегодня число? Ещё сентябрь или уже октябрь?

Теряюсь. Встреча с доктором Кляйн в октябре – вот 10-е число обведено черным, словно траурной ленточкой. А вот какой день сегодня, не представляю. С ужасом думаю: а вдруг я уже пропустила встречу с противной докторшей, но сразу понимаю всю нелепость своего предположения: мне бы уже позвонили тысячу раз, как минимум. А как максимум, прислали бы целую делегацию и под конвоем увезли в город...

Подхожу к телефону и нажимаю знакомые цифры. На том конце провода долго не берут трубку, и я уже собираюсь прервать звонок, когда слышится щелчок, и тихое «алло» разрывает тишину... Набираю побольше воздуха в лёгкие и выдыхаю вместо приветствия:

– Как семейная жизнь? Уокер ещё не сбежал от тебя?

Моя бывшая соседка по палате загремела в психушку из-

за пожара, в котором чуть не сгорела заживо. Вот так радостно она рассталась с парнем. Бывший так её любил, что запер в квартире и поджёг... Мало того, что она обгорела, так ещё и кукухой поехала. Несколько лет Нора мучилась, вздрагивала от каждого шороха, пока не угодила в психиатрическое отделение.

Уж там-то её чуть до смерти не залечили. А потом она познакомилась со своим Томасом Уокером. Прямо в психушке. Он угодил в страшную аварию и переломал половину костей, но даже не это худшее из зол – подающему надежды пианисту оторвало два пальца на руке. Об игре на инструменте не могло быть и речи. В общем, он вроде выжил, хотя и утратил смысл этой самой жизни. Но они с Норой нашли друг друга и умудрились из двух покорёженных душ сшить одну на двоих.

Спустя полгода их выписали и отправили восвояси. Можно сказать, что их обручил психиатр. Звучит так себе, но слова здесь не главное. Они отправились в родной городок Тома, где поженились и живут теперь пусть пока не очень долго, но вполне себе счастливо. Делаю вдох.

– Джилли? Привет... – произносит Нора после первого замешательства, а потом продолжает: – У нас все хорошо, Том порывается, конечно, сбежать, но от меня так просто не уйдёшь! – дальше следует смех. Искренний и открытый. Вот бы мне посмеяться по-настоящему хоть раз.

– Если что, я к твоим услугам, – вымученно шучу, но Но-

ра, кажется, все чувствует.

– Буду иметь в виду, – тон её становится серьёзным. – У тебя что-то случилось? – в голосе уже звучит неподдельная тревога. В этом вся Нора Хьюз. Пардон, уже Нора Уокер.

– С чего ты взяла? Я что, не могу позвонить просто так? – соображаю, как задать волнующий меня вопрос и не прослыть чокнутой.

– Ну... обычно ты звонишь несколько раз в год, уверяешь, что совершенно здорова и психотерапия тебе не нужна...

– Она мне и правда не нужна! – закипаю, будто чайник на плите.

– ...А потом просишь договориться в больнице, чтобы твой сеанс с доктором перенесли на более поздний срок...

Ещё бы... Ведь это отличная возможность набрать вес, свести к минимуму вредные привычки и сочинить замечательную сказку о том, как я счастливо жила последние несколько месяцев.

– Так... Очередная встреча с врачом у меня десятого октября, а это уже... – делаю паузу, в надежде на Нору.

– Через два дня, Джилл.

Черт! Черт! Черт!

– Ох... У меня тут ремонт идёт вовсю... Я не укладываюсь в график, – безбожно вру, а что делать? – Не могла бы ты договориться через своего Пейджа и перенести сеанс? А то у меня тут полы перекладывают...

– Во-первых, новыми полами ты хвасталась в прошлый

раз, когда упрашивала меня позвонить ему, а во-вторых...

– Да цвет оказался слишком тёмным... – оправдываюсь, как могу.

– А во-вторых, ничего не выйдет, Джилли. Тебе поменяли врача... Земля уходит из-под ног, и я хватаюсь за журнальный столик, чтобы не упасть.

– То есть как поменяли?!

Миссис Кляйн, конечно, не предел моих мечтаний, но я уже привыкла к ней и научилась отвечать на её каверзные вопросы так, чтобы она принимала все за чистую монету.

– Точно не знаю, но доктор Пейдж не доволен результатами твоего лечения, так что...

– А разве смена врача не считается стрессом для пациента? – предпринимаю последнюю попытку выкрутиться.

– В данном случае доктор Пейдж считает перемены оправданными.

– Старый козёл!

– Джилли! – с укоризной восклицает Нора. – Между прочим, доктор Пейдж помог нам с Томом, он замечательный специалист!

– Не обижайся, Нора, но я считаю, что помогли вы себе исключительно сами! Порознь точно бы подошли.

– Да, но доктор Пейдж...

– Ладно! Пусть он решил поэкспериментировать над несчастной пациенткой, плевать! Но перенести-то сеанс можно?!

– Не в этот раз, Джиллиан... Новый врач не согласится. Как я слышала, он очень серьёзно относится к своей работе.

– Отлично... – сарказм так и льётся, пытаюсь взять себя в руки, но ничего не выходит.

– Прости... Но тебе придётся быть в клинике десятого...

– Спасибо! – со злостью швыряю трубку на рычаг.

Выбегаю из комнаты и несусь к входной двери, хочу вдохнуть свежего воздуха, ведь вполне возможно очень скоро я лишусь и этой радости благодаря новому врачу. Не удивлюсь, если меня снова закроют в больнице. Вылетаю на крыльцо и резко останавливаюсь. На улице небо уже затянуто тучами, и вот-вот пойдёт дождь. Хрустальный воздух разрывает лёгкие. Дышу, будто в последний раз в жизни... Выходит, завтра я должна сесть в поезд до Агдена*.

Ненавижу этот город! Всецело своей ущербной душой, ненавижу! Поездки к врачу 3-4 раза в год – неплохой компромисс, но все может измениться. Чувствую, что эта поездка может закончиться плачевно, ведь я давно балансирую на грани, а фамилия Бентон – первая на очереди в список пациентов, которым требуется госпитализация и наблюдение... Нужно будет постараться очаровать и приручить нового врача, кем бы он ни был. Но зато теперь у меня есть цель, а это лучше, чем тонуть в воспоминаниях и кошмарах прошлого.

*Агден – выдуманный автором город

Пристегните ремни, вас ждёт море эмоций!#А ВОТ И НАШИ ГЕРОИ И НЕМНОГО АТМОСФЕРЫ#

ОНА - девушка с
поломанной душой

ОН - врач,
взявшийся ее
починить...

Глава 2. Поезд

Сажусь в поезд – он для меня как катафалк – если ты четыре раза в год едешь на нём к мозгоправу на осмотр души, уже никогда не сможешь воспринимать иначе. Вот и выходит, что каждая такая поездка, как прогулка в преисподнюю.

В купе только я. Так и задумано. В конце концов, какой прок от наследства, если не пользоваться привилегиями и деньгами?.. Отправляясь в город, каждый раз полностью выкупаю все места в купе и лелею своё одиночество, что обычно рассыпается, словно замок из песка под напором прибоя, стоит только достичь вокзала.

На столе поднос с едой – пытаюсь наверстать упущенное и набрать хоть пару килограммов перед встречей с новым врачом, но в горло кусок не лезет... Стук в дверь отвлекает от невесёлых мыслей.

– Открыто! – хрипло возвещаю я, а на пороге возникает пухленькая проводница с десертом и фруктами. – Спасибо! – достаю наличные из кармана и сую девице.

Та, благодарно улыбнувшись, скрывается за дверью, надёжно спрятав бумажки в кармане формы, а я со вздохом беру персик и надкусываю. Сок течёт по подбородку, прокладывая дорожку, которая уже через миг станет липкой. Приторный вкус вызывает горечь оттого, что ощущаю сладость, как будто я самый обычный человек, а не искалеченное Чу-

дравищем существо... Даже как-то не по себе. Со злостью открываю окно и выбрасываю ни в чем неповинный фрукт за борт, запоздало вспоминая, что это еда, а я за неё пресмыкалась в течение трёх лет заточения и... становится стыдно.

Встаю, тянусь к куртке, достаю пачку сигарет и зажигалку. Прикуриваю, игнорируя табличку с надписью «не курить!», глубоко затягиваюсь и с наслаждением закрываю глаза. Едкий дым наполняет лёгкие, голова слегка кружится, а напряжение отпускает. Вот эти ощущения по мне... Пытаюсь убедить себя, что справлюсь. Утешаюсь тем, что новый врач всего-навсего человек и значит к нему можно найти подход. Я с ним разберусь, ведь даже из схватки с Чудовищем я вышла победительницей...

Хотя тут мнения разделились.

Некоторые врачи, журналисты и обыватели решили, что я сама превратилась в чокнутую и надо бы меня изолировать от общества. Другие, наоборот, восхваляли и по итогу записали в герои. Шутка ли – расправится с Чудовищем и избавить город от мучителя, что годами похищал молоденьких девушек... Я оказалась его десятой и последней жертвой.

Делаю очередную затяжку и выдыхаю вместе с дымом горькие воспоминания. Не выходит... Эти воспоминания всегда со мной.

Открываю глаза и снова гляжу в окно, где лес слился в одну сплошную зелёную линию. Чем ближе город, тем тяжелее дышать. Так всегда было. Но в этот раз все острее... Я

не знаю, чего мне ожидать от поездки, и это меня пугает до чёртиков.

Какая же я жалкая. Никто и не подозревает, что Джиллиан Бентон, к которой все привыкли – лишь призрачная тень, созданная с огромным трудом.

Марионетка...

Только вот за нити никто больше не тянет, а самой управлять своей жизнью нет ни сил, ни желания. Так чем я лучше той же Норы, которую сама обвиняла в слабости и никчёмности, пока мы делили палату?.. Пожалуй, только тем, что мне хватает мозгов скрывать себя настоящую под маской равнодушия и насмешки.

Поезд дёргается, и пепел догоревшей сигареты падает на джинсы. Пора на выход.

Глава 3. Добро пожаловать!

Поезд замедляет ход, а вместе с ним и моя жизнь как будто останавливается – дышу через раз и как-то рвано.

Добро пожаловать в Агден!

Накидываю куртку, хватаю рюкзак и покидаю вагон. Замираю на платформе. Солнечные лучи безжалостно хлещут по лицу, словно на дворе июль, а не октябрь. Вокруг спуют люди, но я как будто существую в другой реальности.

Помнится, миссис Кляйн убеждала, что теперь я могу дышать свободой. Делаю вдох и... в очередной раз убеждаюсь, что все это брехня... свобода обитает в сердце. В моем ей места не нашлось.

– Мисс Бентон, добро пожаловать в Агден! – ненавистное пожелание кто-то озвучил вслух, и я оборачиваюсь на голос. Молоденький парнишка переминается с ноги на ногу, пытается скрыть волнение.

– Да?..

– Меня послали специально встретить вас! – последнее слово он выделяет и произносит с каким-то благоговением, аж смешно становится.

Вглядываюсь в его лицо, сплошь покрытое прыщами и рытвинами – похоже, половое созревание в самом разгаре, что сказывается и на мозгах: для него чокнутая убийца – некий идол. Будет потом рассказывать друзьям, как встречал

великую и ужасную Джиллиан Бентон. Только величие моё – иллюзия, а ужасна я лишь потому, что выгляжу, как пугало. Но мне, честно говоря, плевать.

– Спасибо, конечно, но я сама в состоянии...

– Вы – настоящая легенда и значит...

– И значит не могу сама добраться до отеля?.. – не остаюсь в долгу и я.

– Простите...

Кажется, он наконец понимает, что к чему. Смышлёный.

– Ладно, проехали! – борюсь с искушением послать его к черту и поехать в отель самой, но всё-таки перед встречей с новым мозгоправом стоит попридержать коней. – Так и быть, можешь сопровождать меня.

– Спасибо... – облегчённо выдыхает парень и тянет руки к моему рюкзаку. – Давайте, я понесу.

– Ну, нет... – иду вперёд, не оглядываясь и давая понять, что это уже перебор. Мальчишке остаётся лишь последовать за мной. Кто кого в итоге сопровождает – ещё вопрос... Издалека замечаю на привокзальной стоянке огромный лимузин. Как пить дать – по мою душу... – Только не говори, что мы поедем на этом, – задаю риторический вопрос, так как заранее знаю ответ.

– Управляющая отелем лично заказала...

– Напомни мне, чтобы я больше никогда не пользовалась услугами вашей гостиницы!

На самом деле, каждый раз, наведываясь город, я останав-

ливаюсь в разных отелях. Почему-то так мне спокойнее, хотя и понимаю всю глупость подобной затеи – журналисты все равно всегда в курсе, где я обитаю. Но лимузин... Это то же самое, что нацарапать на капоте – «я здесь».

– Простите... – он даже покраснел.

Молча подхожу к машине. Не позволяю открыть мне дверь и распаиваю её сама. Плюхаюсь на просторное кожаное сиденье, скидываю рюкзак и куртку. Парень осторожно присаживается на краешек дивана рядом со мной. Вижу его озабоченное лицо, ещё немного и расплачется. Наверное, считает, что провалил миссию. Разубеждать и успокаивать не собираюсь. Я ведь Джиллиан Бентон. Чёрствая и равнодушная. Нужно держать марку.

Спустя пятнадцать минут, мы уже тормозим у миниатюрного здания на тихой улочке, таких в центре крайне мало.

У стойки меня встречает пышногрудая блондинка с дежурной улыбкой, приклеенной намертво к её пухлым губам.

– Добрый день! Спасибо, что выбрали наш отель, для нас это огромная честь! – затараторила она заученный текст. – Как добрались? – улыбка как будто стала ещё шире, хотя куда шире-то?!

– Вашими молитвами, – бросаю я. – Какой у меня номер?

К чести управляющей, улыбка её ничуть не меркнет, видеть, клей оказался хороший.

– Тридцать четвёртый. Я вас провожу...

– Не стоит. Я сама справлюсь...

– Второй этаж и направо, – протягивая ключи и все также сладко улыбаясь, пропевает она. Думаю, ей тоже будет что обсудить после работы с подругами.

– Благодарю, – хватаю ключ и направляюсь к лестнице, мимо прыщавого сопровождающего, хлопающего глазами.

Вваливаюсь в номер, закрываю дверь с громким хлопком и сползаю по ней на пол. Прикрываю глаза. Сжимаю ладони в кулаки. Через час мне нужно быть в клинике, надо бы принять душ, но сейчас меня и под страхом смерти не затащить в ванную.

К черту!

Вряд ли это хоть как-то поможет. Раздумываю, стоит ли переодеться, но понимаю, что ничего не хочу... Как будет, так будет. Перед смертью все равно не надышишься и тут не так уж важно, в каком виде я явлюсь на встречу: в цветастом платье или в потёртых джинсах. Худобу в любом случае ничем не скрыть – каждый мой приезд меня взвешивают и досконально осматривают.

Не представляю, сколько минут я так просидела, моя б воля – не двигалась бы вовсе, но мне пора. Открываю глаза и в первый момент вздрагиваю – напротив сидит измождённая девушка с посеревшим лицом, в которой я не сразу узнаю себя... Видок ещё тот. Лохматая. Дёрганная. Несчастная.

Подмигиваю «соседке» в зеркале, поднимаюсь и усилием воли заставляю себя все-таки пройти в ванную. Мышцы стягивает от напряжения и... страха? Нет, скорее от дурного

предчувствия. Хочется рвануть на вокзал, сесть на поезд и уехать прочь из этого отполированного города. Увы, такой роскоши я себе позволить не могу.

Ополоснув лицо, вглядываюсь в отражение, но вижу перед собой лишь безвольную куклу. Прикусываю нижнюю губу до крови, разворачиваюсь и решительным шагом направляюсь к выходу. Пора познакомиться с новым врачом.

В регистратуре никого, но мне и без надобности – дорожку я найду с лёгкостью, даже если ослепну. Игнорирую открывшийся лифт, предпочитая этой железяке пять пролётов лестницы. Движение – жизнь. Жаль, поздновато я об этом вспомнила.

Тяжело дышу, но скорость все же не сбавляю и за минуту добираюсь до своего персонального ада. Здесь меня обычно пытаются вывернуть наизнанку и залезть ко мне в голову без анестезии.

Спешащая навстречу молоденькая медсестра замедляет шаг и пялится, словно я диковинное существо.

– Чего? – выдаю вместо приветствия.

– Добрый день, мисс Бентон... – значит, узнала. – Я могу чем-то вам помочь?

Её забота кажется чересчур наигранной и неискренней.

– Мне нужен доктор Браво...

Хорошо, что я сообразила перед отъездом позвонить и узнать имя моего новоиспечённого врача.

– О... – лицо девицы преображается вмиг, как будто разговор зашёл о божестве. – Прямо по коридору, 611-й кабинет!

– Спасибо.

Иду в указанном направлении и чувствую, что спину прожигает любопытный взгляд. Что ж. Смотри на здоровье, мне не жалко.

Подхожу к двери с нужной табличкой и застываю. Ругаю себя за то, что так раскисла, ведь это даже не больно. Здесь меня, по крайней мере, не планируют пытаться, хотя как знать... Толкаю дверь, от всей души надеясь, что я все-таки права.

Глава 4. «Долгожданная» встреча

Помещение оказывается довольно просторным и не таким безликим, как большинство кабинетов больницы, где мне доводилось бывать. Стены выкрашены в бежевый цвет, а несколько картин делают обстановку более живой.

Оглядываюсь и замечаю в дальнем углу у окна стол, за которым сидит мужчина и что-то пишет. Никакого белого халата... Создаётся обманчивое впечатление, что передо мной вовсе не врач, а обычный человек.

– Добрый день, мисс Бентон, – мягкий вкрадчивый тон, которому я не верю ни на грамм.

– Добрый, – нехотя соглашаюсь.

Пусть думает, что я того же мнения.

– Проходите, – не поднимая головы, бросает приглашение доктор, продолжая что-то писать, а я начинаю злиться.

– Если вы заняты, я могу зайти в другой раз! – отвечаю, теряя терпение.

А могу и вовсе исчезнуть из города. Но благоразумие берет верх, и эту фразу я оставляю при себе.

– Ну, что вы! Присаживайтесь, – наконец, удостоив меня мимолётным взглядом, он кивает на пустующее кресло по другую сторону стола.

Вздыхнув, следуя незамысловатой инструкции.

Отложив ручку, мужчина теперь пристально меня разгля-

дывает, а мне вдруг хочется превратиться в микроб. Съеживаюсь, но упрямо пялюсь на него в ответ. Внимательно рассматриваю своего нового палача, прикидывая, что он за птица, и какую линию поведения лучше избрать.

Отмечаю, что доктор Браво довольно молод для психологического аналитика, хотя здесь, наверное, возрастных рамок нет, и я просто-напросто слишком привыкла к престарелой миссис Кляйн и её серебристой шевелюре. Его же угольные волосы лишь слегка припорошены сединой на висках, будто первыми снежинками поздней осенью. А лицо практически не тронута морщинами, разве что в уголках глаз можно заметить зарождающиеся неглубокие линии, когда он улыбается. Не сразу до меня доходит, что врач дарит улыбку, не прекращая пристально изучать. Понимаю, что в данный момент его тёмные глаза фиксируют все, любые мелочи – мою худобу, нездоровый цвет лица и километровые круги под глазами.

Да подавись ты своей улыбочкой!

Хочется закурить как никогда... Ищу глазами пепельницу на столе – ну, чем черт не шутит? Но замечаю только идеально сложенные стопки бумаг и незамысловатую подставку для ручек. Или этот красавчик здесь совсем недавно, или он тщательно держит свою жизнь под замком – по таким скудным деталям понять, что он за человек просто не представляется возможным.

Раздражаюсь ещё больше, ибо с миссис Кляйн было куда проще. К примеру, она обожала кошек и её стол был застав-

лен всякими статуэтками и сувенирами в виде самых разнообразных котов. Так что было достаточно прикупить в торговом центре какую-нибудь безделушку, и она могла восторгаться подарком добрые полчаса, вместо того, чтобы мучить меня своими дурацкими вопросами.

– И?..

Не выдерживаю тягостного молчания и начинаю нервно теревить край куртки, что не ускользает от моего собеседника. Пристраиваю руки на коленях и жду ответа.

– Не стоит волноваться, мисс Бентон, – успокаивающим тоном врача продолжает он. – Я не желаю вам зла.

– Давайте уже к делу, – моя интонация никак не вяжется с улыбкой, которую я вымученно демонстрирую в ответ.

– Что ж. Хорошо. Как вы уже знаете, я – ваш новый врач. Меня зовут Ник и я надеюсь, что смогу вам помочь.

Ник? Помочь? Он что, серьёзно?..

Помимо воли хмыкаю, а потом выдаю:

– Доктор Браво, – расставляю точки над *i*, дабы он не питал иллюзий. – Мне помощь не нужна... – уже заканчивая предложение, прикусываю язык – ну кто просил меня лезть на рожон?.. – Я хотела сказать, что... – пытаюсь перестроить фразу так, чтобы она казалась более невинной, – мы с миссис Кляйн достигли огромных успехов в лечении!

Ох, вроде вышло неплохо.

– Я вижу... – не без иронии делится он наблюдениями.

Теперь уж точно лучше заткнуться и помолчать, ибо мои

уверения в том, что я здорова, только подольют масла в огонь, который сожжёт и без того призрачную надежду на скорое возвращение в мою берлогу.

– Итак, я детально изучил историю вашей болезни, – ну конечно, крах моей жизни иначе и не назовёшь. – А также методы и схемы лечения доктора Кляйн, – он складывает руки в замок – единственное движение с тех пор, как ему пришлось отложить ручку. – И скажу честно... Результаты меня ничуть не впечатлили.

Что ж. В проницательности ему не откажешь. И в знании своего дела, судя по всему, тоже. Когда-то давно, я бы порадовалась такому положению вещей, но не теперь. Теперь же специалист, читающий меня и мои мысли, словно книгу в картинках, настораживает и пугает. Кажется, он замечает моё замешательство и спешит продолжить:

– Я не хочу, чтобы вы меня боялись, потому и решил для начала просто побеседовать. Идёт? – на его лице снова проступает едва заметная улыбка, а я вдруг замечаю, что его левой подбородок уже темнеет от проступающей щетины.

Раздумываю секунду. А потом молча киваю. Боюсь, если открою рот, выдам себя ещё больше, а мне очень не хочется показывать насколько я нервничаю. Ведь от этого человека зависит моё будущее, пусть оно и не представляется светлым и радужным даже в мечтах. Мечтаю я лишь окопаться в своём одиночестве. Вроде такая мелочь, но с некоторых пор мне как будто вставляют палки в колеса.

– Сразу хочу предупредить, что я с удовольствием отпущу вас домой, но... – слово разбивает мою жизнь вдребезги, – только в том случае, если действительно буду уверен, что ваше состояние можно считать стабильным, – заканчивает он свою мысль.

Нервно сглатываю и щурюсь от злости – именно такого вердикта я и боялась.

– То есть отныне управлять моей жизнью будете вы?! – не выдерживаю напряжения и вскакиваю с места.

Доктор медленно поднимается вслед за мной, и я замечаю, как он огромен – словно скала, выросшая из ниоткуда, а размах плеч поражает даже моё воображение.

– Пока что я могу сделать вывод, что ваша психика не совсем устойчива, мисс Бентон, – голос мягкий, почти нежный, точно он ведёт разговор с неразумным ребёнком.

– А вы бы прошли через то, через что пришлось пройти мне, я бы на вас посмотрела! – продолжаю с вызовом.

И кому я пытаюсь объяснить?..

– Мисс Бентон, потому мы с вами и здесь. Моя задача помочь решить ваши проблемы.

– Доктор Браво, вас когда-нибудь похищали? А держали взаперти? Издевались? Пытали? Насиловали? – спрашиваю с горечью.

– Нет, но это не имеет никакого значения... – запоздало отвечает он.

– Разве? А мне кажется, что имеет. Вы собираетесь лечить

меня, хотя сами никогда не бывали в моей шкуре! – набираю побольше воздуха в лёгкие и выплёвываю правду, так давно не дававшую мне покоя: – Да какое вы, мозгоправы, имеете право учить меня жизни?!

– Мисс Бентон... – его тон все также мягок, и только по поджатым губам я понимаю, что перегнула. – Вижу, беседа у нас не выходит. Давайте так... Сейчас вы отправитесь к себе в отель, успокойтесь, а завтра с утра вернётесь. Нужно сдать анализы и пройти обязательный осмотр. А потом мы с вами обсудим наш дальнейший план действий.

– Можно подумать, у меня есть выбор. Я, может, и вырвалась на волю, но так и не принадлежу себе! – горькое заключение слетает с губ, а я прячу боль за насмешливым тоном. Все как всегда...

Позади себя слышу скрип, оборачиваюсь и вижу в дверях любопытное личико всё той же медсестры.

– Николас... – сладко улыбаясь и стреляя глазками, пропевает она приторным голоском, но под его суровым взглядом быстро поправляется: – Доктор Bravo, всё в порядке?.. Я проходила мимо, услышала крики и...

Девушка смеряет меня уничижительным взглядом, а мне окончательно становится ясно, что её заботливый тон в коридоре был лишь игрой. Но и я не так проста, как кажется. Меня не легко выбить из колеи. Может, я и не убиваю взглядом докторов, но с медсестрой справлюсь. Потому мой ответный взгляд все же заставляет её съёжиться. И заткнуться.

Второе особенно приятно.

– Сесилия, я, кажется, просил не беспокоить меня, когда у меня пациенты? – он явно недоволен вторжением, хотя и пытается не подавать виду.

– Ничего. Мы ведь уже закончили. Счастливо оставаться! – бросаю, направляясь к двери.

Задеваю плечом ошалевшую медсестричку и выхожу в коридор. Путь до первого этажа преодолеваю чуть ли не бегом. Прочь из этой чёртовой богадельни. Скорее... глотнуть воздуха... Пусть и городского, но всё-таки.

Распахиваю двери и вылетаю на улицу. Щурюсь от яркого солнечного света, а когда открываю глаза, натыкаюсь на объективы грёбанных камер.

Глава 5. Не мой день

Чёрт! Сегодня точно не мой день. Застываю, как вкопанная, пытаюсь сообразить, как отделаться от стаи волков-репортёров. В больницу я прикатила на такси, так что бежать некуда. А вокруг уже звучат «доброжелательные» вопросы, больше напоминающие оружейные выстрелы:

– Мисс Бентон, можно несколько слов?

Хрен вам!

– У вас проблемы со здоровьем?

Не ваше собачье дело...

– Вы надолго в Агден?

– Вы лечитесь от зависимости?

Всевозможные ответы проносятся в моей голове за долю секунды, но вслух я выдавливаю лишь...

– Без комментариев!

Засранцы.

И если заставить меня говорить они никак не могут, то от камер мне не скрыться. Лихорадочно придумываю способ удрать... Вернуться в больницу и вызвать такси? А их это остановит? Вряд ли. Ринутся следом, как пить дать.

В итоге, с высоко поднятой головой, спускаюсь с крыльца, будто с пьедестала. Срабатывает. Несмотря на явное желание растерзать меня, журналисты расступаются, освобождая своеобразный коридор, очень узкий, но с моей нынешней

фигурой самое то... Микрофоны, напоминая колючие еловые ветви в лесу, преграждают дорогу, но я уверенным движением отмахиваюсь, работая плечами. А камеры все продолжают щёлкать.

– Мисс Бентон, можно пару слов?!

– Мисс Бентон всего один вопрос...

И снова игнорирую любопытные выпады и иду вперёд напролом. Это я умею, жизнь бок о бок с Чудовищем – отличная школа.

Ощувив свободное пространство, ускоряю шаг и спустя секунду уже мчусь к проезжей части, заметив издалека жёлтое пятно такси. Голосую так, будто машина для меня сейчас вопрос жизни и смерти.

Слышу позади топот ног и когда мне кажется, что побег потерпел фиаско, машина всё-таки тормозит, чуть не проехав по моим ботинкам. Распахиваю дверь и, нырнув в салон, тут же захлопываю её за собой с такой силой, что стекла звенят. Или звенит у меня в голове?..

– Гони...

Дважды повторять не приходится – стоит водителю взглянуть на свою сумасшедшую пассажирку, как он сразу же жмёт на газ, вклиниваясь в поток других автомобилей. Перевожу дух, сползая с сиденья. Не сразу соображаю, что таксист несколько раз задаёт один и тот же вопрос.

– Куда едем?..

«К чёрту...» – так и хочется съязвить.

Но я беру себя в руки и со всей вежливостью, на которую только способна, называю адрес отеля. Кивнув, водитель оставляет меня в покое.

Спустя полчаса мы уже останавливаемся на все той же тихой улочке у крыльца гостиницы. Выуживаю из кармана несколько бумажек и протягиваю своему спасителю. Но тот не торопится со мной распрощаться: глупо улыбается и просит автограф.

– Не сегодня! – кинув банкноты ему на колени, вываливаюсь из машины. – Спасибо! – успеваю поблагодарить таксиста прежде чем снова хлопнуть дверцей.

В фойе все та же блондинка-администратор с приклеенной улыбкой внимательно следит за мной, пока я иду к лестнице.

– Вам что-нибудь нужно, мисс Бентон? – суется она. Даже отвернулась от пожилой пары, застрявшей у стойки.

– Ужин в номер, если можно! – её удивлённый взгляд скользит по мне, будто я манекен из ближайшего магазина.

Кажется, просьба её удивила. Может, глядя на меня-вешалку пышная блондинка предполагала, что я и вовсе не питаюсь? Почти попала в точку. Хотя сегодня мне придётся изменить своим привычкам.

– Желаете что-нибудь особенное? – справившись с собой, наконец отвечает администраторша.

– Мне без разницы.

– Ужин будет подан через час.

– Чудно.

Медленно поднимаюсь по лестнице, но стоит скрыться за поворотом, как я чуть ли не бегом направляюсь к своему номеру.

За спасительной дверью становится легче дышать, несмотря на затхлый воздух... В гостиной подхожу к музыкальному центру и нажимаю кнопку «пуск» – из динамиков начинается играть песня в исполнении какой-то столичной звезды. Томно она чирикает о страданиях и боли. Да что она вообще об этом знает?..

Сбрасываю одежду, делаю погромче... Я слишком привыкла жить в затворничестве, и мне не хочется, чтобы по воплям из душа о моей фобии прознали соседи... Крадусь в ванную, будто она – мой злейший враг. До последнего времени так и было, пока мне не подсунули дотошного доктора... Вздыхаю, останавливаясь в дверном проёме ванной комнаты. Все, как обычно.

«Ну, же... Давай!» – уговариваю себя, только все без толку. Из динамиков певичка с надрывом продолжает выть, переходя на фальцет:

Мой мир – это боль...

А ты в нем – король...

Спустя целую вечность, всё-таки переступаю порог, подхожу к ванне и кручу вентиль до упора. Вода льётся вовсю, а я продолжаю стоять и пялиться на поток моего страха, бьющего в середину ванны.

Дома было проще, легче. Отчего-то вода здесь кажется холоднее, а воспоминания острее. Тело покрывается мурашками. То ли потому что я замёрзла, то ли от нежелания сделать последний шаг и нырнуть в измученную прошлым память...

Пар постепенно наполняет комнату, скрывая моё отражение в запотевшем зеркале. Спустя пару минут всё-таки залезаю в эту чёртову ванну. Вода обрушивается на меня водопадом, и я взвизгиваю от неожиданности – как ни готовь себя к этому, каждый раз одно и то же. Зажмуриваюсь и на ощупь ищу гель для душа и шампунь, натыкаюсь на флакон. Не глядя выдавливаю на ладонь жидкость, даже не зная, чем именно собираюсь мыться.

Плывать...

Трясущимися руками намыливаюсь, и вода тут же смывает следы моих трудов. Закрываю кран и пулей выскакиваю из своей темницы, пусть и залитой светом нескольких ламп. Беру в заложники банное полотенце и шлёпаю в гостиную, на ходу вытирая ненавистные капли воды, скользящие по коже... Музыкальный центр разрывается другим хитом – песня о нелёгкой доле брошенной девицы режет слух. Вот бы мне её проблемы... Возвращаться в ванную за халатом нет ни сил, ни желания, потому достаю из рюкзака футболку и натягиваю на себя. Выключаю центр, обрывая чьи-то вопли на самом взлёте.

Резко наступившая тишина – будто пощёчина, разбивает пространство вокруг. Подхожу к окну, взгляд упирается в

стену соседнего дома – отличный вид, но я сама забронировала ничем неприметный номер, так что все в порядке.

Лёгкий стук в дверь, словно костяшками пальцев проехали по деревянной поверхности, а следом милый голосок:

– Ваш ужин...

– Входите! – дверь распахивается, но я не оборачиваюсь, продолжая считать кирпичи на стене за окном.

Слышу, как поднос приземлился на стол. Тихое шуршание, скрип двери и произнесённое будто впопыхах:

– Приятного аппетита.

– Спасибо, – хлопок двери и я остаюсь наедине со своим ужином.

Только он и я. Вздыхая, отрываюсь от лицезрения пейзажа и подхожу к столу. По очереди поднимаю крышки, и по комнате распространяется чудный аромат, который меня совершенно не трогает.

Не заботясь о манерах, ем прямо руками – мясо камнем оседает в желудке, и больше я не в состоянии съесть ни кусочка. А ведь собиралась смести все до последней крошки...

Вытираю руки о салфетку и подхожу к кровати, брезгливо откидываю шёлковое покрывало – ничего не могу с собой поделать – с некоторых пор я ненавижу шёлк... слишком часто мне приходилось «спать» на дорогущих скользких простынях. Он всегда стелил себе такие, если приводил меня в спальню. Надо ли говорить, что каждый раз я мечтала поскорее вернуться в свой подвал? Хотя и там от него было

не скрыться...

Слава богу, что сегодня достался хлопок.

Провожу ладонью по розовым цветам, выбитым на ткани – на ощупь постель холодная и неприветливая, но мне нравится. Ныряю под одеяло и закрываю глаза. Стараюсь не думать о сегодняшнем дне, который по завершении кажется безумно долгим, почти бесконечным, но мысли упрямо копошатся в голове, словно клубок ядовитых змей, что жалят, жалят, жалят... Ещё меньше хочется думать о завтра... Стоит лишь представить больничный коридор, и ладони становятся мокрыми, а дыхание перехватывает, как при прыжке в воду... Вода... Мой враг номер один, не считая заботливых мозгоправов. Наконец, чувствую, как проваливаюсь в сон, точно в зыбучие пески, и выбраться уже не смогу, даже если захочу. Мир сновидений поглощает меня целиком.

Проснувшись, не сразу понимаю, где нахожусь, а сообразив, начинаю злиться, хотя и осознаю, что злость мне никак не поможет – этот день нужно пережить, как и все до него...

Покидаю уютный кокон и уверенно направляюсь в ванную. Ещё бы, от меня ведь требуется лишь почистить зубы. После процедуры подхожу к окну и упираюсь взглядом в уже знакомую стену. Снова начинаю бесполезный счёт кирпичей, но, спохватившись, отворачиваюсь и обвожу комнату быстрым взглядом: на столе все тот же поднос с едой, хотя завтрак мне не светит – сдавать анализы положено натощак.

Переодеваюсь в чистые джинсы и рубашку, провожу расчёской по волосам и смотрюсь в зеркало. Не нравлюсь себе абсолютно и уже жалею, что вчера не заставила себя съесть больше, глядишь, лишние сто грамм сыграли бы свою роль... Хотя кого я обманываю? Побывай я даже на самом шикарном банкете мира – на весе вряд ли бы что-то отразилось. Вдыхаю, но делать нечего – пора ехать в клинику.

Очень хочется, чтобы поездка длилась несколько часов, или даже дней, но такси останавливается на стоянке больницы в рекордные сроки – в такую рань дороги ещё пусты.

Здание клиники все так же высится на привычном месте и, вопреки моим заветным мечтам, за ночь не сгорело и не провалилось сквозь землю. Жаль.

Огромный холл кишит людьми, напоминая муравейник – куча коридоров расходятся в разные стороны неизведанными тропами. Но я знаю, куда мне – лифт уже призывно раскрыл свои двери, и несколько посетителей да милая парочка в белых халатах ринулись на штурм кабины. Я же, как и вчера, оставляю без внимания приглашение и медленно шагаю к лестнице. Удивительно, но за пять пролётов встречаю на своём пути лишь двоих человек – они спешат с третьего на четвёртый.

Наконец, перед глазами возникает табличка нужного этажа, и я замираю. Глубоко дышу, пытаюсь успокоиться. Бесполезное занятие, если учитывать, что сейчас будет решаться моя дальнейшая судьба. Моя свобода.

– Доброе утро, мисс Бентон, – раздаётся позади.

Я аж подпрыгиваю на месте, а потом медленно оборачиваюсь. На последней ступеньке стоит доктор Браво собственной персоной и лучезарно мне улыбается. Оказывается, не одна я хожу пешком.

– Доброе, – отвечаю нервно, а сама думаю, сколько он вот так за мной наблюдал?... Наверняка врач заметил моё замешательство и уже сделал запись в воображаемой записной книжке или того хуже – в мысленном варианте моей истории болезни. Спohватившись, дёргаю дверь, но та не поддаётся. Для верности дёргаю ещё раз, прикладывая всю свою силу – бесполезно.

– Давайте я... – опять этот тон доброго учителя, терпеливо объясняющего нерадивой ученице, что к чему.

Не дожидаясь согласия, он кладёт ладонь поверх моих пальцев и легонько толкает вперёд. Совсем чуть-чуть. Оказывается, дверь открывается вовнутрь. Чувствую себя полнейшей идиоткой...

– Не стоит так волноваться, все в порядке!

– Я и не волнуюсь! – и кого я пытаюсь обмануть?..

– Послушайте... У вас есть полное право не доверять врачам, ведь за два года успехов в лечении никаких не...

– Я здорова! – снова не даю ему договорить, перебив наглым образом.

– Мисс Бентон... Вы ведь не станете отрицать, что у вас имеются определённые проблемы?

– Определённые проблемы имеются у каждого, не так ли? Только знаете что? – не дожидаясь ответа на риторический вопрос, я продолжаю: – В первую очередь вам не мешало бы лечить педофилов, маньяков и бог знает кого ещё! – его брови взлетают вверх, но он молчит, позволяя мне закончить свою тираду. – Может быть, тогда в мире было бы меньше таких, как я – пострадавших от их злодеяний!

– Вы правы, – он уже не улыбается, но глаза все также излучают сочувствие, только мне его жалость ни к чему. – Но так уж вышло, что я – *ваш* врач. И я искренне хочу вам помочь... – я молчу, не желая углубляться во все это – не хватало окончательно испортить с ним отношения. – Послушайте, я все понимаю – город не лучшее место для вас. Вы ведь мечтаете вернуться домой?..

Домой...

Да что он знает об этом? Дом – это не стены с мебелью, дом – это то место, где твои близкие... У меня никого не осталось. В насмешку – лишь несколько фотографий и горстка вещей, принадлежавших родным. Так что дома у меня нет, а есть место, где я коротаю время со своим одиночеством. Но он прав в одном – в непроходимой глуши мне живётся гораздо легче.

– Я хочу вернуться домой, – тихо, почти шёпотом, отзываюсь я.

– И я хочу, чтобы вы вернулись домой, как можно скорее. Но ещё больше я хочу, чтобы вы заключили мир с самой со-

бой.

Он выразительно глядит на меня своими черными глазами, будто коршун, присматривающийся к добыче. Я ему не верю, здесь он тоже абсолютно прав.

– Я пережила многое и осталась жива. Это ли не счастье?
– усмехаюсь.

– Давайте, мы не будем спешить? Я нисколько не покушаюсь на привычный для вас образ жизни, но я должен быть уверен, что мы идём верной дорогой.

– И?..

– И... Сегодня после осмотра и сдачи всех анализов, приходите ко мне в кабинет. Договорились?

– Вы ведь не спрашиваете, а приказываете...

– Нет, – он устало вздыхает. – Вы можете прийти ко мне и завтра.

– А есть возможность вовсе не приходить?

– Боюсь, что нет...

– Я так и думала... До встречи, доктор Браво.

Разворачиваюсь и шурую в сторону процедурной. Сегодня определённо не мой день, впрочем, вчерашний был не лучше.

Глава 6. Падение в воду

В процедурной суетятся несколько медсестёр, но стоит мне войти, как они замирают, с любопытством уставившись на меня. Хорошо хоть среди них нет той девицы, что так рьяно старалась «спасти» доктора Браво от сумасшедшей пациентки.

– Здравствуйте! – громко приветствую ошалевший медицинский персонал.

Вот что значит быть местной знаменитостью – тебя знают в лицо, потому что почти год оно не сходило со страниц газет и экранов телевизоров, а твоё имя склоняли и вдоль, и поперёк. В довершение, твою биографию знают наизусть да получше тебя самой. А ещё тебя боятся. Девушка, жестоко убившая Чудовище, для многих сама заняла вакантное место. Потому-то после суда и лечения я убралась из города восвояси.

– Доброе утро, – удивлённо отзывается одна из женщин, похоже, самая смелая из них.

– Каков план действий? Залечить меня до смерти?

– Сначала мы снимем стандартные параметры – вес и рост, измерим ваше давление. Потом возьмём все анализы. А дальше – процедура сканирования, нам нужно проверить сердце и работу других внутренних органов, – с лёгкой опаской ставит меня в известность все та же медсестра.

– Что ж, приступайте, – покоряюсь я, ведь делать все равно нечего – избежать осмотра в любом случае не выйдет.

– Вам придётся повесить куртку в шкаф, заберёте её после, – стоит мне дать добро, как она из милой медсестры превращается в строгого командира. Повезло, ничего не скажешь!

Спустя пару часов, после бесконечных анализов, питающих датчиков с кучей присосок, присоединённых к моему телу, я, наконец, оказалась свободна. Слава богу!

Правда, поход к доктору Браво никто не отменял, потому прямиком направляюсь к его кабинету, желая побыстрее закончить со всем этим. Хочу знать, что мне грозит, и не желаю оттягивать неизбежное. Но оказавшись на месте, я вновь застываю у двери.

Черт, похоже, это уже становится традицией!

Набираю побольше воздуха в лёгкие и громко стучусь. Резкое «войдите» не прибавляет уверенности, но я все же вхожу в кабинет, тихонько прикрыв за собой дверь.

– Можно?... – опять чувствую себя девчонкой, которую звали на ковёр к директору школы.

– Проходите, мисс Бентон!

Мне кажется, или тон доктора Браво действительно недовольный?.. Внешне мужчину тоже никак нельзя назвать счастливым – мой психоаналитик сидит за столом, рваными движениями перебирая бумажки, и на меня совершенно не

смотрит.

Присаживаюсь напротив и жду. На большее в данный момент просто не способна. Наконец, врач поднимает хмурый взгляд, и я вдруг тушуюсь, потому что он глядит на меня, будто удав на кролика. Пристально. Не мигая. Теперь уже я нервно сглатываю, подобно медсёстрам из процедурной, и опускаю глаза на свои пальцы, что живут своей жизнью, опять теребя край рубашки.

– Что-то не так?.. – не узнаю собственный голос и это меня жутко бесит.

– О, мисс Бентон, много чего не так! – доктор Браво раскрывает толстую папку, лежащую перед ним. – Знаете, что это? – он кивает на её содержимое.

– К сожалению, я не умею читать вверх ногами, – отвечаю прежде, чем успеваю посоветовать себе заткнуться.

– Не переживайте, я вам сам расскажу, – угрожающе сверкнув глазами, «успокаивает» он, а мне снова хочется испариться. – Это ваша история болезни... И знаете что? Здесь нет ни слова о лекарстве, которое выявили ваши анализы! Черт... куча оправданий вертится на языке, но ни одно не кажется мне достойным.

– Что за лекарство?.. – ненавижу себя за проявление слабости.

Конечно, я знаю о каких таблетках идёт речь, но от этого не легче. Скорее – наоборот.

– О, это очень сильное средство, предназначенное для тех,

кто страдает от чрезмерной усталости, депрессии, апатии и постоянной сонливости. А уж побочные действия можно перечислять до второго пришествия! Не хотите поведать мне, как вам удалось достать столь серьёзный психотропный препарат?!

Перед глазами возникает образ синей коробочки, надёжно спрятанной на дне рюкзака... А я ведь предусмотрительно перестала принимать лекарство перед самой поездкой в Агден. Не помогло.

– Хм... я... – стараюсь выдумать правдоподобный ответ, но все мои фантазии на данную тему, мягко говоря, не способны пройти проверку...

Нашла?

Подарили?

Ограбила аптеку?

– Пытаетесь выдумать подходящую историю?.. – да он читает мои мысли, чтоб его!

– Между прочим, вы – врач, а не полиция нравов! – подавшись вперёд, выпаливаю я, на миг забыв, кто из нас является уравновешенным гражданином, а кто – душевнобольной особой.

– Не увиливайте, – обманчиво спокойным тоном одёргивает он меня, а я вновь откидываюсь на спинку кресла, подсознательно желая вжаться в неё до полного своего исчезновения. – Я далеко не дурак, мисс Бентон! А по долгу службы мне прекрасно известна и процедура получения подоб-

ных таблеток. Лечащий врач может назначить их только с одобрения заведующего отделением, что я считаю целиком и полностью оправданным, — он продолжает листать ненавистную мне папку. — А если таких записей нет в карте, значит пациент достал лекарство незаконным путём. В данном случае, мне остаётся лишь узнать, каким образом вы его заполучили! Итак?

Я молчу, ибо сказать мне нечего — миссис Кляйн после долгих месяцев моего нытья вручила несколько пачек таблеток, предупредив, чтобы я помалкивала о них. Вот я и намереваюсь молчать, как и обещала.

— Что ж. Я вполне могу вас положить в отделение и...

— Нет! — испуганно взвизгиваю и прикрываю рот ладонью, но уже слишком поздно.

— Сообщите мне, откуда у вас лекарство, и я подумаю, что можно сделать... — чеканит он, а я обречённо вздыхаю.

— Доктор Кляйн просто пожалела меня...

— Доктор Кляйн просто чуть не угробила вас! — он делает акцент на слове «просто», и его значение как будто приобретает отрицательный оттенок.

— Неправда! Мне стало гораздо легче...

— Ну, да, конечно! К примеру, ваш вес значительно ниже нормы, а знаете почему?!

— У меня нет аппетита...

— Да, и это побочный эффект от таблеток! Так же, как и нездоровый цвет лица, головная боль... А мешки под глаза-

ми – это результат вашей борьбы со сном! Признайтесь, ведь вы не страдали от сонливости и не спали по двадцать часов в сутки? Вам эти таблетки были нужны для другого.

Я вздрагиваю. Откуда он, черт возьми, знает? Видимо, удивление недовольной гримасой застывает на моем нездорового оттенка лице, и он решает добить меня окончательно:

– Удивлены? А для меня это столь же очевидно, как и то, что земля вертится, мисс Бентон! Жаль, что доктор Кляйн не раскусила вас, но её компетентность в клинике давно под вопросом, так что...

– Её теперь уволят?.. – старая карга мне никогда не нравилась, но брать на себя ответственность за её судьбу мне ой как не хочется. Достаточно и тех, кого судьба привела на кладбище, опять же, благодаря мне.

– Не переживайте, – немного насмешливо отвечает это самодовольное светило медицины. – Её уволили ещё до вашего приезда, так что вам незачем себя винить, – и здесь он снова попадает в точку, ведь я уже собиралась сделать очередную зарубку на своей совести. – Поймите, данный препарат – не игрушка! И доктор Кляйн, как специалист, должна была об этом подумать, прежде чем, наплевав на правила, всучить его вам!

– Я всего лишь хотела меньше спать! – мой взгляд отправляется в путешествие к потолку – так бы и сидела до окончания времён, не глядя на доктора Браво.

– Охотно верю. От снотворного вы отказались, ещё когда

лежали у нас в отделении, эти данные отражены в вашей карте. Думаю, оно не спасало от дурных снов, вы лишь крепче спали, а очнуться от очередного кошмара было ещё сложнее, так?

– Так! А с этими чудо-таблетками было проще вернуться к реальности. Да и спать особо не хотелось.

– Да поймите вы, эти таблетки не помогут вам жить нормальной жизнью! Не сны являются проблемой, а то, что стоит за ними... – он прерывисто вздыхает. – Ну и заварили вы кашу...

– И что теперь будет?.. – сердце отказывается служить, застряв где-то между рёбер и не желая возвращаться на исходное место.

– По протоколу положено сообщить об этом доктору Пейджу...

Впервые, с приезда в город, мне становится по-настоящему страшно. Если раньше на горизонте лишь маячила перспектива нырнуть в воду, то теперь мне ясно дают понять, что прыжок неизбежен.

– А вы, я смотрю, всегда следуете протоколу? – радуюсь, что голос не растёкся бесформенной жижей по языку.

– Обычно – да! Но... в сложившейся ситуации я склонен винить в первую очередь доктора Кляйн. Вы – пациент и ответственность за вас несла именно она.

– И?.. – спрашиваю, затаив дыхание.

– И я готов дать вам шанс. Но вам придётся хорошенько

поработать. Во-первых, вы вернёте все оставшиеся у вас таблетки, – загибая один палец, делится он своими планами. – И не говорите, что они кончились или вы оставили их дома, я все равно не поверю. Во-вторых, вам придётся задержаться в Агдене, как минимум, на несколько месяцев. Вы будете приходить ко мне на сеансы по расписанию, установленному мною. В-третьих, вы систематически будете сдавать анализы, чтобы я был уверен, что вы не принимаете ничего запрещённого. В-четвертых, вам придётся следовать моим указаниям, а их будет не так уж мало.

К концу тирады на его руке остаётся свободным только один палец. Хорошо хоть не средний.

– А если я, вернувшись в гостиницу, перережу себе вены?..

– Не думаю.

– Почему же? Считаете, у меня кишка тонка? – злюсь, не понимая даже, на кого именно – на себя за то, что подняла этот вопрос или на него, потому что он думает, будто мне не хватит духу?..

– Отчего же... Как раз наоборот, я считаю вас очень сильной. Именно поэтому вы не пойдёте на самоубийство. Это не про вас. Иначе вы бы давно уже покончили с этим миром. Только ведь вы знаете, что тогда все было напрасно, правда?

– О чём это вы? Что было напрасно? – все внутри сжимается и дрожит, он как будто влез в мою шкуру, отчего я чувствую себя крайне уязвимой.

– А вот об этом мы поговорим с вами на нашем первом сеансе...

– Значит, через несколько месяцев я смогу уехать отсюда?

– Не совсем так. Вы отправитесь домой только в том случае, если по прошествии этого времени я увижу положительную динамику...

– Например?.. – цепляюсь за его слова, ведь мне нужна конкретика, а не пространные ориентиры.

– Например, вы должны набрать вес, должны избавиться от кругов под глазами. И самое главное – ваш внешний вид должен меняться в тандеме с вашим внутренним миром, – чем больше он говорит, тем больше мне хочется плакать, и проницательный доктор, конечно же, это замечает. – Мисс Бентон, имейте в виду, что по правилам я обязан сообщить обо всём руководству, но тогда вас ждёт принудительное лечение в стационаре. А я считаю, что принуждение и вы – вещи несовместимые, потому и готов пойти на уступки. Но если никаких изменений заметно не будет, мне все же придётся...

– Скажите, почему меня не оставят в покое? – перебиваю я. – Почему мне просто не дадут возможность спокойно жить, а? – уже не злюсь, на смену злости приходит обречённость. – Потому что я избавила мир от мерзкого ублюдка?

– Послушайте, я всего лишь врач, но я одинаково стараюсь помочь всем своим пациентам. Вас ведь могли и посадить. Вы зарезали безоружного человека, а потом ещё и за-

стрелили для верности.

– Он был чудовищем.

– Я знаю. И могу вас понять. Он причинил вам много боли... Учитывая все факты, вам пошли навстречу и назначили принудительное лечение.

– И я его прошла!

– По закону вы должны являться на приём раз в несколько месяцев. И если ваше состояние ухудшится, вы должны лечь в больницу.

– И моё состояние ухудшилось... – резюмирую я. – Может, я безнадежна? Моя соседка по палате Нора поступила сюда позже, но её давно выписали, и она ведёт вполне спокойную счастливую жизнь.

– Послушайте... Психотерапевт не только лечит, но и определяет, возможно ли чем-то помочь пациенту... Вам помочь можно. Просто вам достался не самый лучший специалист. Но мы это исправим. Что же до вашей подруги... Я слышал о ней. Да и вы упоминали её на своих сеансах... Я читал записи. Понимаете... в терапии очень важен окружающий мир. Подумайте, что есть у неё, но чего нет у вас? Или что есть у миссис Кларк, вдовы вашего покойного друга? Что у них общего?

Упоминание о Дэнни заставляет меня замереть. Он был моим другом, и он погиб. По моей вине. Сердцу в груди становится тесно – словно оно мне не по размеру.

– Так что такого есть у них, чего нет у вас, Джиллиан?

– Доктор Браво впервые обращается ко мне по имени, но я замечаю это не сразу, задумавшись над его вопросом, хотя отвечать не спешу.

– Не знаю... Может, свобода?

– Вы знаете правильный ответ. Только не хотите признаться даже самой себе. Кстати, у них наверняка тоже бывают тяжёлые дни, и случаются рецидивы, но рядом есть те, кому не все равно. У них есть близкие люди...

– Так мне нужно найти подружку или в кратчайшие сроки выйти замуж?..

– Вы снова пытаетесь защититься, прячась за язвительностью, но это – не выход. – доктор Браво устало потирает переносицу. – Я предлагаю вам путь к выздоровлению, но лишь вам решать, соглашаться или нет... Так что вы скажете?

Не успеваю ответить, потому что в это самый миг в кабинет врывается запыхавшийся медбрат с глазами, напоминающими по размеру блюдца для десерта.

– Доктор Браво...

– Что случилось?

Мой психоаналитик оказывается на ногах со скоростью света и теперь огромной скалой возвышается над нами, глядя на парня с тревогой.

– Там Терри снова не в себе, доктор!

– Я сейчас подойду!

– Ввести ему успокоительное?! – испуганный юноша весь трясётся, видимо, пациент доставил ему немало проблем.

– Нет! Я с ним просто побеседую! Скажите ему, что... небо чистое, а солнце очень яркое... – медбрат, если и удивляется, то в отличие от меня виду не подаёт и, получив указания, молниеносно скрывается в коридоре. – Мисс Бентон, извините, мне пора! – снова переходя к официальному обращению, бросает доктор. – Я жду вас завтра в десять утра.

Преодолев расстояние до двери всего за пару шагов, он оборачивается и вопросительно на меня смотрит, ожидая ответа.

– Небо чистое, а солнце яркое?... – переспрашиваю, поднимаясь.

– Это часть терапии... Иногда, чтобы успокоить пациента, ему необходимо напомнить, что мир все ещё жидется на привычных вещах.

– И что, помогает? – недоверчиво хмыкаю.

– Терри – да... – вполне серьёзно отвечает мой врач. – Но это не так просто, как кажется. И занимает много времени – часто беседа длится несколько часов, а то и дольше. Конечно, куда проще сделать укол, но я стараюсь не прибегать к лекарствам без острой необходимости...

Пожалуй, теперь я бы сняла перед ним шляпу, будь она у меня, ибо когда я лежала здесь, меня только и делали, что пичкали лекарствами.

– А мне не поможет? И вообще, каков мой диагноз? Шизофрения?

– Хм... Честно говоря, я считаю, что пациенту не обяза-

тельно вникать в медицинские тонкости, диагнозы и термины, поэтому стараюсь не использовать их на сеансах, предпочитая обычный человеческий язык. Но могу заверить – шизофрении у вас точно нет! – уголки его губ дрогнули, будто в попытке улыбнуться.

– Прямо полегчало! – иронизирую я.

– Рад был помочь. А теперь извините, меня ждёт пациент, – мы вместе выходим из кабинета и застываем на месте.

Нужно что-то сказать и мне ничего другого в голову не приходит, кроме как выпалить вместо обычного прощания следующее:

– Скажите, хоть курить-то мне можно?

– Можно. Сигареты. – Он все-таки слегка улыбается, прикусив нижнюю губу. – Главное, не забудьте вернуть то, что я просил...

Наконец, мы расходимся в разные стороны. Я – направо, к лестнице, что ведёт к свободе, а мой врач, напротив, – налево, туда, где в конце коридора находится дверь, ведущая в стационарное отделение, и куда я очень не хочу попасть, подобно несчастному Терри.

Спустившись в холл, запоздало вспоминаю о куртке, оставшейся в шкафчике на шестом этаже. Ворчу себе под нос, потому что придётся подниматься обратно, а мне так не терпится покинуть здание... Влетаю в процедурную и замираю от неожиданности – на экране в углу сейчас транслируются новости.

– С очередным визитом город посетила Джиллиан Бентон. Напомним, что шесть лет назад она была похищена Оливером Прайсом серийным насильником и убийцей, по прозвищу Папочка.

Джиллиан Бентон провела в неволе несколько лет и систематически подвергалась насилию и издевательствам. Спустя три года ей удалось вырваться из плена, зверски убив своего мучителя.

После этого мисс Бентон в течение года находилась на принудительном лечении в психиатрической клинике города. Последние же два года она вынуждена посещать клинику несколько раз в год. По всей видимости, психическое состояние девушки до сих пор не стабильно.

И тут на экране возникает картинка моего вчерашнего побега из больницы... Вот я пробиваюсь сквозь толпу корреспондентов и, будто поджав хвост, ныряю в такси. А приятный голос журналистки продолжает тем временем вещать:

– Как видите, мисс Бентон никак не комментирует свой приезд. Руководство клиники также отказалось давать комментарии, как и лечащий врач. Но один из работников больницы согласился побеседовать с нами после того, как мы пообещали сохранить его имя в тайне. Итак, вот что рассказал нам наш источник...

На экране появляется текст, который репортёрша зачитывает с огромным энтузиазмом:

«Мисс Бентон агрессивна и антисоциальна, страдает де-

*прессией и дисфорией**, у неё наблюдается девиантное** состояние, а также различные фобии. Она опасна для окружающих и ей просто необходимо квалифицированное лечение в стационаре...»

Дальше я не слушаю, хватаю куртку и так спешу на улицу, что на лестнице несколько раз чуть не ломаю себе шею, неудачно перепрыгивая разом через пять ступенек.

Ублюдки! Сволочи!

Выбежав на крыльцо, трясущимися руками шарю по карманам в поисках сигарет и зажигалки. Первое нашлось сразу, а вот зажигалка затерялась где-то в складках куртки, или я так сильно нервничаю и потому никак не могу её найти. На крыльце стоят ещё несколько человек в белых халатах. Они мило беседуют, не обращая на меня никакого внимания. Попросить огонька у них?..

Нет, я скорее сдохну, чем обращусь к ним.

Наконец, пальцы нащупывают металлический прямоугольник. Нашла! Подкурить удаётся лишь с третьего раза... Горький дым наполняет лёгкие, но он ничто по сравнению с горечью в моей истерзанной душе.

...ей просто необходимо квалифицированное лечение в стационаре...

Последнюю строчку будто вырезали тем самым ножом у меня на сердце.

– Мисс Бентон? – доносится откуда-то сбоку, поворачиваюсь и в первую секунду вижу перед собой лишь микрофон

и камеру. А уже после замечаю обладателей столь ненавистных мне предметов – двое мужчин переминаются с ноги на ногу: один из них держит микрофон, другой направляет на меня свою чёртову камеру. – Скажите, это правда, что вас снова кладут в больницу?.. – буднично интересуется тот, что пихает мне в лицо микрофон, лицемерно улыбаясь.

– Без комментариев! – шиплю я и, выбросив окуроч в урну, пытаюсь пройти мимо.

– Не так быстро, мисс Бентон! Люди должны знать правду! – заявляет он, схватив меня за запястье и с силой дёрнув, чтобы я не ушла. Зря он это сделал.

Разворачиваюсь и со всей дури бью его в лицо свободной рукой, предварительно сжав её в кулак для верности. Борец за правду от неожиданности разжимает свои цепкие пальцы и падает на спину, громко вскрикнув от боли. Ошеломлённый оператор испуганно пятится назад, не забывая, тем не менее, снимать дальше.

– Убери камеру! – зло кричу я, уже представляя красочный сюжет с моим участием в завтрашнем выпуске новостей.

Весь гнев, копившийся во мне последние годы, рванул раскалённой лавой наружу, затопив заодно и остатки здравого смысла – я вырываю камеру из его дрожащих рук и швыряю в стену, наслаждаясь звуком разлетающихся в разные стороны осколков и деталей.

– Ах, ты су... – договорить верный Санчо Панса не успевает, потому как я со всего маху прохожусь носком ботинка

по его причинному месту. Его вопль звучит подобно музыке.

И тут сзади кто-то обхватывает меня, лишая возможности двигаться.

Изловчившись, наношу удар локтем невидимому противнику и оборачиваюсь, принимая стойку. Передо мной стоят трое санитаров, готовых к новым подвигам.

– Она сумасшедшая! – это корреспондент, все ещё сидя на земле, орёт мужчинам в белых халатах, которые уже снова ринулись ко мне, в попытке окружить. Только я буду биться до последнего! Мне бы в руки что потяжелее, я бы им показала!

Готовлюсь отразить нападение, когда запоздало слышу за спиной лёгкую возню... Ощущаю, как в шею вонзается игла, напоминая комариный укус. Оборачиваюсь и вижу того самого медбрата из кабинета доктора Bravo со шприцем в руке. Бросаюсь на него, но санитары скопом наваливаются на меня и валят на бетонный пол. Вырываюсь из последних сил, но чувствую, что руки становятся резиновыми, а сознание медленно растворяется в омуте сна...

Ощущение, будто толща воды обрушивается сверху и, прежде чем тьма окончательно окутывает разум, я осознаю, что это не мне пришлось совершить прыжок в ненавистную воду, а меня просто-напросто в неё столкнули.

***Дисфория** (*страдать, мучиться, досадовать*) – форма болезненно-пониженного настроения (антоним «эйфории»), характеризующаяся мрачной раздражительностью,

чувством неприязни к окружающим.

****Девiantiное поведение** (*также социальная девиация, отклоняющееся поведение*) – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространённых и устоявшихся общественных норм.

Глава 7. На поверхности

В голове стоит гул, напоминающий двигатель взлетающего самолёта. Кончики пальцев покалывает, точно иголками, а скулу дёргает от боли. Пытаюсь дотронуться до лица, когда вдруг понимаю – нечто удерживает мою руку, не позволяя её сдвинуть даже на дюйм.

Что за...

Распахиваю глаза и упираюсь взглядом в белоснежный потолок.

Где я?..

Озираюсь вокруг – молочного цвета стены напирают со всех сторон. Ещё немного, и я растворюсь в них, будто меня и не было никогда... Снова пробую поднять руку. Сначала – левую. Бесполезно. Потом – правую. Не выходит. Сжимаю ладонь в кулак и дёргаю что есть мочи. Чувствую, как боль опутывает запястье, точно в тисках, а эффекта – ноль. Опускаю взгляд и охаю от неожиданности – кожаный ремешок с застёжкой крепко фиксирует руку. Воспоминания снежной лавиной обрушиваются на меня.

Новости. Крыльцо. Журналисты.

Разбитая вдребезги камера.

Санитары. Укол. Темнота.

– Нет! – не узнаю собственный голос, сиплый и грубый.

Крик разрывает тишину в клочья, пробуждая во мне зверя

– начинаю брыкаться, пытаюсь освободиться, да только око-
вы все больше впииваются в кожу. Слышу какой-то шум и
краем глаза вижу вбегающих в комнату двух человек в хала-
тах. Естественно – белых. Здесь все одинаково белое и без-
ликое. Чёртовы мозгоправы!

– Мисс Бентон, успокойтесь! – да только подобная фраза
совсем не успокаивает, а наоборот – пугает!

– Развяжите! – ору, словно меня режут.

– Мы вам поможем, не волнуй... – ухитряюсь заткнуть од-
ного из них, лягнув ногой, но очень быстро ликование сме-
няется разочарованием – потирая ушибленное место, он уже
обращается к своему товарищу: – Эй, она все ещё буйная,
свяжи ей ноги, а я сделаю новый укол!

– Уверен?..

– Конечно, уверен! Она же дикая! – заверил его тот, при-
ближаясь с новой порцией лекарства в шприце.

– Не трогайте меня! – изо всех сил стараюсь помешать им
выполнить задуманное, но что я могу со связанными рука-
ми?..

– Это ради вашего блага! – ощущаю, как ещё одни путы
сжимают лодыжки в дьявольских объятиях, а в плечо вонза-
ется игла. – Отдыхайте, мисс Бентон! – они исчезают, слив-
шись с белоснежными стенами.

Ещё несколько бесполезных попыток вырваться, и я чув-
ствую, как кровь замедляет свой бег, а сознание провалива-
ется в сон.

Чтоб вы все сдохли...

Пытаюсь вдохнуть воздуха, но снова глотаю лишь воду... Она повсюду. Барахтаюсь, будто ребёнок, брошенный посреди океана, стараюсь работать руками, только они словно налиты свинцом и мне не подчиняются. Солнечный свет меркнет и, кажется, что я проваливаюсь в водяную бездну, глубина которой – вечность. Из последних сил пробую закричать, но лёгкие лишь наполняются проклятой водой. Понимаю, что проиграла и покоряюсь судьбе... И вдруг, сквозь толщу воды, до меня доносится какой-то приглушённый звук... Он становится все громче и все отчётливее. Вслушиваюсь и постепенно понимаю, что это – чьи-то голоса, я даже могу различить фрагменты фраз и отдельные слова... Вода отступает, и я оказываюсь на поверхности.

– ...жны были меня ...вать! – голос кажется смутно знакомым.

– ...ация была ...ческой. – Невозмутимо отзывается кто-то.

– ...чему ...осле не ...вали?! – требовательный и грозный тон с головой выдаёт доктора Браво – именно так он разговаривает, когда злится.

– ты ...ыл занят.

Напрягаю слух до предела, чтобы услышать больше... Стараюсь не выдать себя – не шевелюсь и не открываю глаз. Пусть думают, что я все ещё в отключке. Так хоть что-то

узнаю.

– Она – моя пациентка, доктор Пейдж! – о, выходит, мы беседуем с самим Пейджем, который меня раздражает ещё со времён моего первого заточения в клинике – тогда он, как попугай, постоянно твердил, что я в безопасности.

– Повторяю, ты был занят, – все так же бесстрастно отвечает заведующий отделением – по всей видимости, считая, что представитель его профессии всегда должен оставаться спокойным и хладнокровным.

– Вы обязаны были мне сообщить! И почему она в надзорной* палате?!

– Она была невменяема и агрессивна. Её трое санитаров не могли удержать. Пришлось сделать укол...

– Вы не имели права! Господи, вы её связали?... – выходит, мой врач тоже удивлён.

– Она потенциально опасна, доктор Браво.

– Да что вы! Каждый человек потенциально опасен. И вам, как специалисту, это должно быть хорошо известно.

– Вы правы, но... не станете же вы отрицать, что мисс Бен-тон в своей жизни приходилось... применять насилие? Мы не могли рисковать.

– Ладно, к этому мы ещё вернёмся, но почему я узнаю о том, что случилось, только когда пациентка не является на сеанс в назначенный час?..

– Одна из медсестёр должна была вас уведомить.

– Мне никто ничего не сообщал... Но теперь я здесь и

лечением своей пациентки займусь сам.

– Хм. Данный вопрос я хотел бы обсудить с вами у меня в кабинете!

– А чего тут обсуждать? – мне не нужно видеть доктора Браво, чтобы понять, что на лбу его проступило несколько глубоких складок. – В чем дело?

– Видите ли... Мне кажется, что пациентке показана не психотерапия, а...

– Считаете, что её должен наблюдать психиатр? – перебивает его пока ещё мой врач, а я собираю всю волю в кулак, чтобы не вмешаться в разговор.

– Именно, – от констатации столь прискорбного факта я все-таки не выдерживаю и приоткрываю левый глаз – эти двое стоят ко мне в полоборота и вроде как на меня не смотрят.

– И такой вывод вы сделали на основании вчерашнего происшествия? – руки мужчины упёрлись в бока.

– Это ещё не вывод, а только предположение...

– Извините, но мне кажется, для подобных предположений ещё слишком рано. Я даже не приступил к лечению.

– Давайте мы поговорим об этом позже? Ваша подопечная, похоже, очнулась, – оказывается Пейдж прекрасно все видит. Притворяться смысла больше нет, и я, открыв второй глаз, гляжу на них волком.

– С возвращением, мисс Бентон, – доктор Пейдж приветливо улыбается, но я совершенно не верю в его искренность.

– Идите к черту!

– Доктор Пейдж, прошу оставить меня с мисс Бентон наедине.

– Что ж. Не буду вам мешать, – проявив мнимую заботу, отвечает тот, прежде чем удалиться. – Но мы ещё не закончили, доктор Браво.

– Конечно, – как будто немного пренебрежительно соглашается Браво и переводит взгляд на меня. – Как вы?.. – тон становится мягче.

– А вы как думаете?

– Минутку... – он выходит за дверь и возвращается со стулом, а до меня только сейчас доходит, что в комнате нет ничего, кроме кровати... – Расскажите, что произошло вчера? – пододвигая стул ближе и удобно усаживаясь, интересуется он.

– Вы ведь и так все знаете... – не смотрю на него, уставившись в потолок, будто там изображено что-то крайне интересное.

– Хочу услышать вашу версию.

– Что ж, все просто. Сначала кто-то из вашей драгоценной клиники рассказал обо мне журналистам. Вы ведь видели вчерашние новости?

– Да, сегодня утром видел повтор. И уверяю вас, мы в этой ситуации разберёмся, ведь обсуждать с кем-либо пациентов строжайше запрещено... А что было после?..

– А после... эти стервятники явились в клинику и потре-

бовали... чтобы я... – не могу подобрать подходящих слов.

– Они переступили черту, не так ли? – ему удаётся сформулировать ответ за меня.

– Да! Я только защищала свою личную жизнь! А теперь я в тюрьме...

– Вы не в тюрьме, мисс Бентон, а в клинике.

– Неужели?! Да будет вам известно, что связывал меня только *он*, доктор Браво! – снова дёргаю рукой. Там, где кожа соприкасается с ремешком, она красная и горит огнём.

– Не нужно, мисс Бентон! – доктор Браво прижимает моё запястье к кровати, не позволяя причинить себе боль.

– А то что? Вызовете санитаров для очередного укола?

Вторая рука пока свободна, и я тяну её вверх. Ремешок впивается в кожу, но мне уже плевать. Правда, мой врач тоже не так прост – перегнувшись, он пригвождает к матрацу и вторую руку, нависая надо мною, будто каменная глыба.

– Отпустите меня! – шиплю змеёй, потому что его прикосновения неприятны до тошноты.

– Только если успокоитесь! – всю его мягкость смывает волной негодования.

– Ладно! – подчиняюсь, лишь бы он не прикасался ко мне.

– Мисс Бентон. Сегодня мне предстоит отстаивать право лечить вас, – убедившись, что я не собираюсь больше брыкаться, Браво отпускает меня и отходит на пару шагов. – Так помогите мне!

– Каким образом?..

– Просто помните, что ещё одна выходка и вас передадут психиатрам...

– Меня и так пичкают уколами и связывают!

– Послушайте, это не моя инициатива! И я сам не в восторге от подобных мер. Давайте так... – он слегка ерошит свои волосы, проходясь по ним пальцами. – Я постараюсь убедить доктора Пейджа в том, что в уколах и физическом стеснении нет необходимости, а вы пообещаете, что...

– ...что буду паинькой? – несмотря на его дружелюбность, меня переполняет злость.

– Я верю, что вы вполне вменяемы и адекватны, а вчерашний инцидент – единичный случай. Но нам с вами нужно постараться убедить в этом других.

– Мне... – нервно сглатываю, – придётся остаться в клинике? – волнующий вопрос, хоть и звучит почти шёпотом, для меня самой подобен раскату грома.

– Боюсь, что да... – глаза предательски начинает щипать от навернувшихся слез, я бы незаметно смахнула их, да вот беда – не имею возможности. – Но если мы с вами постараемся...

– Договорились! – готова сказать что угодно, лишь бы он ушёл сейчас и оставил меня одну.

– Мисс Бентон...

– А нельзя ли побыстрее? – отворачиваюсь от него – благо мою голову ещё не привязали к койке, и этот трюк легко удаётся. – Просто руки болят... – оправдываю свою тороп-

ливость.

– Что ж...

Вместо того, чтобы уйти, доктор Браво снова подходит ко мне и освобождает левое запястье от оков. Его пальцы ловкие и горячие. Чтобы отвязать вторую руку, он обходит кровать вокруг и проделывает тот же манёвр за считанные секунды.

– Но это ведь не по протоколу?.. – изумляюсь я.

– Давайте считать это своеобразным актом доверия? – лёгкая улыбка озаряет его лицо. – Надеюсь, когда я вернусь, все будет в порядке, – немного неуверенно тянет он, а я утвердительно киваю в ответ.

– Спасибо... – замечаю его удивлённый взгляд и с опозданием соображаю, что, наверное, впервые благодарю его без сарказма и иронии.

– До скорого, мисс Бентон, – напоминая вихрь, он стремительно покидает палату, не забыв прихватить и стул.

Наконец-то я остаюсь одна. Только это одиночество мнимое – мне слышно, как по коридору снуёт медперсонал, переговариваясь друг с другом. А в какой-то момент до меня долетает обрывок жуткого вопля.

Бог мой!

Так я орала от пыток в подвале этого ублюдка... Чувствую, как над верхней губой зарождаются капельки пота. Не сразу вспоминаю, что руки свободны и запоздало провожу дрожащими пальцами по лицу, а потом резким движением выти-

раю их о сорочку. Дышу быстро и рвано.

Убеждаю себя, что это просто у одного из пациентов очередной приступ... Сейчас его свяжут и сделают укол, превратив в подобие себя самого, в призрачную тень человека, каким он был...

Надо взять себя в руки...

Спустя минуту дыхание выравнивается, но я все равно ощущаю себя беспомощным котёнком, которого окунули в ведро с водой, чтобы утопить.

***Наблюдательная (надзорная) палата** – специальная палата для больных с выраженными суицидальными, агрессивными тенденциями либо нуждающихся в дополнительном уходе, а также пациентов, грубо нарушивших режим. В наблюдательной палате (или непосредственно рядом с ней) имеется круглосуточный медицинский пост. Пациенту запрещено покидать её по собственному желанию; выход из палаты разрешается, как правило, только в сопровождении медперсонала, либо только в туалет и столовую. В наблюдательных палатах особенно часто применяются меры физического стеснения, нередко присутствуют решётки на окнах и небьющиеся стёкла. Часто в таких палатах отсутствует другая мебель, помимо кроватей.

Глава 8. Погружение

Подхожу к окну и рассматриваю пейзаж. Скучный и унылый. А уж сквозь решётку – тем более. Первый снег почти стаял, на улице пустынно и мрачно. Никаких прохожих здесь не сыскать, даже если хорошенько постараться – эта часть клиники огорожена от посторонних глаз высокой оградой. Зато у пациентов имеется свой собственный загон для прогулок. Мило. Как раз сейчас время выгула и те, кто достоин такой чести, уже выползают из общей тюрьмы на улицу. Но я в подобных мероприятиях не участвую. Иллюзия свободы на полчаса в вольере меня не прельщает. В памяти невольно всплывает...

– Мисс Бентон, почему вы не ходите на прогулки? – внимательный взгляд доктора Браво, граничащий с жалостью, прожигает насквозь.

– Не хочу... – и ведь не поспоришь, я имею полное право отказаться.

Это подобие разговора состоялось примерно через неделю после моего заточения здесь. Да, условия стали лучше – не знаю, что такого мой врач сказал Пейджу и как его убедил, но тем же вечером меня перевели в обычную палату.

Теперь в моей комнате есть даже тумбочка с двумя ящиками, куда мне позволили сложить часть вещей – их предусмотрительно привезли из гостиницы добрые люди. Список

до безумия короткий – большинство предметов были изъяты из соображения безопасности. Авось я заколю себя карандашом или перережу вены пилочкой для ногтей, которой у меня отродясь не было.

Доктор Браво навещает меня через день. И никаких ремней и уколов. Мне бы радоваться, только ничего не выходит – с тех самых пор я ощущаю, что загниваю в этом белоснежном аду и как будто медленно погружаюсь в водяную пучину.

– *Мисс Бентон... Поговорите со мной.*

– *Не хочу...*

– *Мы ведь с вами договаривались, помните?*

– *Помню...*

– *Вы мне обещали.*

– *Знаю...*

Думаю, доктор прекрасно понимает, что, несмотря на отсутствие оков, инъекций и прочих прелестей, моя жизнь все равно не принадлежит мне. Я задыхаюсь в этой треклятой клинике, точно мне снова приходится глотать воду, как это бывало в подвале моего мучителя.

– *Что вас беспокоит?*

– *Моя свобода...*

– *Мы ведь уже обсуждали это.*

– *Да...*

Примерно в таком ключе и проходят наши сеансы – он задаёт бесполезные вопросы, а я даю ничего не значащие ответы. Или молчу вовсе, если вопросы становятся слишком

личными. Последующие попытки меня растормошить и привести в чувство тоже ничего не дали.

— *Если вы постараетесь...*

— *Я не могу...*

— *Вы сильная!*

— *Нет...*

Ну как до него не доходит, что мне приходилось быть сильной. Но это не сделало меня сильной на самом деле. Моё заточение кончилось. Чудовище горит в аду. Нет больше ничего, что заставляло бы идти напролом вперёд.

— *Пока вы закрыты от меня, я не смогу вам помочь.*

— *Мне не нужна помощь...*

— *Вы хотите, чтобы вас лечили психиатры?..*

И ведь он не так далёк от истины — за моё лечение вполне может взяться тот же Пейдж: ем я мало — цифра на весах прямое тому подтверждение; сплю плохо — кошмары не дадут соврать; и на воздухе я тоже не бываю — в журнале прогулок моей фамилии нет вовсе. Так что выгляжу я, пожалуй, хуже, чем когда прибыла в город. Хотя точно не уверена — зеркала здесь не в моде, видимо, по той же причине, что и остальные колющие и режущие предметы.

— *Мне все равно... — ответ прост как дважды два.*

Помню, в тот миг осознание такого простого факта обрушилось на меня, напомнив струю ледяной воды, пущенную мне в лицо во время пыток. И я смирилась. Действительно смирилась с тем, что мне уже все равно. Для меня не важно,

кто будет меня лечить и даже как...

И мне кажется, доктор Браво тогда тоже понял, что я говорю правду, потому что с того времени он как будто немного сник и даже почти перестал изводить меня беседами. Он все больше размышлял и обдумывал что-то. Может, решал, не передать ли меня в руки Пейджу? Пусть так, главное – не докучает больше. И я такому положению вещей только рада, если можно так выразиться, ведь моё теперешнее состояние больше смахивает на апатию. Единственное, что до сих пор выбивает меня из колеи, так это больничные стены белого цвета и... душ. К счастью, шанс воспользоваться последним, мне выпадает лишь пару раз в неделю, а если сделать все по уму, можно разок и пропустить.

Вздыхаю, заметив, что отведённое на прогулку время подходит к концу – санитары уже заводят своих подопечных в клинику. А это значит, что очередной визит доктора Браво не за горами. Бросаю последний взгляд на белые пятна снега и возвращаюсь к кровати.

Меня совсем не тянет на бесполезные разговоры, но сегодня доктор Браво особенно приставуч и бьёт все рекорды по количеству надоедливых вопросов.

– Разве сеанс не закончен?.. – намекаю, что пора бы оставить меня в покое.

– Мисс Бентон, я хочу вас вылечить! Но и вы должны участвовать...

– Черт возьми, хватит! Вы пытаетесь мне помочь, только ваши усилия перекрывают эти белые стены, а...

– Белые стены?.. Почему именно белые? – словно не замечая моего выпада, спрашивает он в задумчивости. – Почему не больничные? Или, выражаясь вашим языком, не чёртовы?

– Какая разница?.. – его вопрос показался бы мне нелепым, если бы не одно «но».

– Большая. Ваше подсознание выдаёт то, что сидит глубоко внутри. Вы ведь не в первый раз говорите о белом цвете с отвращением. По какой-то причине он имеет для вас особое значение. Отрицательное, – его вывод настолько верен, что я даже опешила. – Так что с ним не так? У вас болят глаза? Или он лишает вас индивидуальности? – врач выжидательно смотрит, а я... хочу послать его к чёртовой матери, но язык не поворачивается.

– У негов подвале, знаете ли, было полно особенных штук. Он знал толк в развлечениях... – даю понять, что ничего больше не скажу.

– Мисс Бентон, я не жду подробностей, мне нужны факты.

– Пытка белым цветом*, – бросаю равнодушно, и больше он ничего не услышит.

– Долго? – никакой тебе жалости, обычный вопрос из серии «а который час?», что меня несказанно удивляет.

– Не очень. Вода ему больше пришлась по вкусу. Но ведь все это есть в записях миссис Кляйн... – запоздало вспоминаю я. – Вы ведь и так все знали...

– Мне было важно услышать это от вас. Как бы там ни было, но белый цвет для вас, как... красная тряпка для быка.

– Наверное...

– Но ведь вы уже бывали в клинике? Как считаете, почему вы справились тогда?

– Тогда все было иначе.

– Объясните...

– Это вы мне объясните, почему после всех тех ужасов я хотела жить, мечтала вернуться домой, а теперь мне абсолютно плевать, что со мной будет? – плотину прорвало, видимо, последние недели моего молчания не прошли даром.

– Здесь все просто. Знаете, что бывает, когда долго едешь в поезде?

– Попадаешь на вокзал? – невесело усмехаюсь, а губы как будто немеют – слишком уж долго я не проделывала подобных манипуляций.

– После поездки продолжает слегка укачивать, даже если ты уже сошёл на станции, – игнорируя издёвку, продолжает он. – Так было и с вами в прошлый раз. Его власть над вами закончилась, но вы по инерции продолжали бороться за свою жизнь и преуспели – вас выписали домой. А вот там-то вы уже осознали, что больше бороться не нужно и... растерялись, – доктор Браво выразительно смотрит, а мне вновь становится не по себе от его проницательности – настолько верно он описал моё состояние после возвращения из больницы.

– Действительно просто...

– Как говорится, всё гениальное... – на его губах появляется мифическая улыбка, которую я распознаю лишь по появлению ямочки на левой щеке, – И вы должны помнить, что здесь вам желают только добра...

Добра?.. Вздрагиваю, будто меня ударили.

– Благими намерениями... – тоже демонстрирую знание пафосных высказываний, – вымощена дорога на кладбище...

– Мисс Бентон...

– Однажды в детстве, – перебиваю его, – гуляя по лесу, я наткнулась на птицу с подбитым крылом и принесла её домой, чтобы выходить... Только птица ничего не ела и почти не двигалась. Как думаете, что с ней стало?..

– Она умерла? – вновь проявил чудеса сообразительности мой доктор.

– Да... С тех пор я часто думаю о том, что оставь я её на свободе, быть может, она выжила бы, вопреки всему...

– Вы хотели, как лучше, мисс Бентон... Она вполне могла погибнуть и в лесу.

– Да, но... Почему-то мне кажется, что смерть на свободе для неё была бы лучшим выходом... И знаете, что? – набираю побольше воздуха в лёгкие. – Теперь я чувствую себя той самой птицей. Вы пытаетесь помочь, только ваши усилия перекрывают эти *чёртовы*стены, – специально употребляю эпитет, предложенный им, – а этот город давит на меня, мешая дышать. Понимаете?..

– Понимаю, – он смотрит на меня сверху вниз с жалостью, с какой я смотрела на ту несчастную птаху, и о чём-то размышляет... – И у меня есть одна идея. Я давно её обдумываю... Извините, мне нужно переговорить с доктором Пейджем, – стремительно он выходит прочь из палаты.

Спустя вечность, доктор Браво возвращается в компании ненавистного мне заведующего отделением, завидев которого, я отворачиваюсь к стенке...

– Мисс Бентон, понимаю, что я вам не очень нравлюсь... – приятно осознавать, что он знает, как я к нему отношусь. – Но я здесь по просьбе вашего врача, так что настоятельно прошу пойти со мной на диалог...

– Мисс Бентон... – это уже доктор Браво внимает ко мне. И ему я отказать не могу, потому поворачиваюсь и с подозрением разглядываю Пейджа.

– Дело в том, – как будто не замечая моей подозрительности, он продолжает: – что лечение, к сожалению, не даёт никаких результатов. Так вот доктор Браво предложил совершенно иной подход, считая, что нахождение в больнице вам только вредит...

Мои глаза распахиваются – такого поворота я не ожидала. С изумлением перевожу взгляд с одного мужчины на другого, боясь спугнуть надежду.

– Итак... ваш лечащий врач предложил альтернативное решение...

– Я поеду домой? – все-таки не выдерживаю и на одном

выдохе задаю вопрос.

– Не совсем... Мы не можем выписать вас домой, но... Как справедливо заметил доктор Браво, учитывая обстоятельства, мы можем пойти вам навстречу и предложить компромиссное решение.

– Какое именно решение?..

– Мы отправим вас на реабилитацию.

– Очередная больница?

– Нет.

– Санаторий?

– Тоже нет. Тихий домик за городом.

– Почему не домой?.. Мой дом тоже в самой глуши...

– Потому что домик находится у самой воды. Своего рода терапия – мы считаем, там вы сможете избавиться от своей фобии...

– Что ж. Хорошо. Я согласна!

В голове уже выстраивается план, как избежать столкновения с водой. Решение приходит быстро – просто не буду к ней приближаться, да и все.

– Отлично. Но есть ещё одно условие...

– Какое?

– Доктор Браво поедет с вами.

– Что?! Нет!

– Я тоже не в восторге от этой идеи, мисс Бентон. Врач и пациент вне больницы... Но ваш врач заверил меня, что лечение будет продолжаться и пообещал... – он как будто

пытается подобрать нужные слова, но у него ничего не выходит, – в общем, выбирайте. Солти-Бич в компании доктора Браво, или больница Агдена...

– Доктор Пейдж, позвольте мне побеседовать со своей пациенткой наедине?.. – тот, в свою очередь, как будто раздумывает секунду, но потом, кивнув, всё-таки удаляется.

– Мисс Бентон... – снова этот учительский тон, от которого уже тошнит. – Я понимаю, что моя компания вам не по душе. Но по-другому не получится. Это все, чего я смог добиться... Посмотрите на это с другой стороны – вы будете свободны.

– Да ну? И в чём это будет выражаться?

– У вас будет своя комната, возможность гулять, когда хочется, ходить в город, если захотите. Я лишь буду следить за тем, чтобы вы исправно питались, раз в неделю буду брать у вас кровь на анализ, а наши сеансы превратятся в обычные беседы за ужином. Но самое главное – вы будете жить обычной жизнью, заниматься привычными для большинства людей повседневными делами. И я верю, что результаты не заставят себя долго ждать.

Звучит так дико, но так... дружелюбно.

– А разве пациенту и врачу позволено... – пытаюсь сформулировать свой вопрос, но боюсь, что прозвучит слишком грубо.

– Обычно – нет. Но... я обратился к кое-кому из тех, чьё слово в городе не последний звук.

– У вас есть такие знакомые?..

– Скажем так, некто остался мне должен, ну и...

– Что ж. Я согласна, но при одном условии.

– Я вас слушаю, – его бровь вопросительно изогнулась.

– Вы пообещаете не заставлять меня купаться в море!

Низкий смех заполняет комнату, а я опускаю глаза.

– Конечно, мисс Бентон. Никаких купаний. Тем более, что зимой море все равно холодное.

Он широко улыбается мне, а я пытаюсь улыбнуться в ответ, только выходит весьма и весьма криво – ведь за последние недели я совсем забыла, как это делается.

Скрипнула дверь, и в палату вновь входит доктор Пейдж.

– Что вы решили, мисс Бентон?

– Я согласна!

– Хорошо... Тогда, если не возражаете, я попрошу доктора Браво заняться необходимыми бумагами – ему ведь нужно передать остальных своих пациентов другим врачам.

– Да, конечно! – доктор Браво направляется к двери, ожидая, что Пейдж последует за ним, но тот обещает, догнать его в коридоре.

Оставшись наедине с этим старикашкой, мне становится не по себе... Что ему от меня нужно?..

– Мисс Бентон, попрошу вас отнестись ко всему очень серьёзно. Имейте в виду, если вы подведёте нас, в первую очередь последствия коснутся вашего врача, ведь это целиком и полностью его идея... И никакие покровители ему уже не

помогут.

– Я понимаю, – по всей видимости, доктору Пейджу пришлось переступить через себя, соглашаясь на подобное лечение.

– А вам... вам придётся вернуться в клинику и тогда уже вашим лечением займутся психиатры... – продолжает он свою речь, а я ёжусь под его холодным взглядом и в очередной раз уверяюсь в том, что Нора и Том начали новую жизнь отнюдь не благодаря ему. – Надеюсь, это ясно?

– Более чем... – отвечаю сквозь зубы.

***Пытки белым цветом.** Человека в белой одежде помещают в белоснежную комнату и даже едой кормят белой (рисом в основном). В помещении пусто и отсутствуют шумы. В камере нет ничего, и человек испытывает финальную форму сенсорной депривации, что сказывается на психике.

Глава 9. Начало долгого пути

Под мерный стук колёс экспресс уносит меня все дальше и дальше от ненавистного Агдена. И честное слово, с каждой милей становится легче дышать. Хотя и имеется одно «но». И это самое «но» сидит напротив, уткнувшись в книгу.

Стараюсь ни о чём не думать и глядеть в огромное панорамное окно, где размытый пейзаж проносится стрелой, запущенной с вокзала Агдена. Но выходит скверно – присутствие доктора Браво напрягает, если не сказать больше. Я слишком привыкла к одиночеству и теперь мне как-то не по себе. Хорошо хоть, он не пялится, предпочитая читать. Правда, я не могу не думать, что это всего лишь коварный ход для отвода глаз, и на самом деле мой психотерапевт использует книгу, как прикрытие, а сам незаметно фиксирует все, что я делаю, вплоть до частоты вдохов. Кажется, это уже паранойя... Может, поковырять в носу и проверить его реакцию?..

– Мисс Бентон, как вы себя чувствуете? – его вопрос застаёт меня врасплох. Оказывается, это я плююсь на него, словно он – рождественская ёлка.

– Прекрасно, – не без сарказма отвечаю я.

– Вы нервничаете. – Не вопрос, хотя их мой врач страсть как любит. – Хотите поговорить?

– Не особо... – вопреки моему желанию, он откладывает

книгу. Плохой знак.

– Любые перемены, даже к лучшему – стресс для человека, а в вашей ситуации – особенно.

– Я в порядке.

– Я заметил, – краем глаза вижу, как он скептически окидывает меня взглядом. – Вы места себе не находите. Но это нормально.

– Я не...

– А ещё вам не по себе от моего присутствия, – перебивает он.

– Не стоит так много на себя брать, доктор Браво. Ваше присутствие меня совсем не беспокоит, – вру, конечно, но так почему-то легче.

– Неправда, – он улыбается мне мягко, – на самом деле, я вас раздражаю. Чёртов телепат... хотя здесь, наверное, только слепой не заметил бы моего отношения к нему.

– Дело не в вашем присутствии, как таковом, – чётко произношу, чувствуя, что где-то в глубине зарождается злость.

– Тогда в чем?.. – он внимательно смотрит, ожидая ответа.

– В том, что вы все время пытаетесь меня раскусить и так и норовите влезть ко мне в голову. Даже сейчас. А это само по себе уже раздражает.

– Я лишь спросил, как ваши дела...

– «Как вы себя чувствуете?», «хотите поговорить?» – переразниваю. – Не морочьте мне голову, с этого начинались все наши сеансы.

– Я лишь проявил участие и предложил поговорить.

– Поправочка! Вы хотели, чтобы говорила я, а вы бы слушали, между делом вставляя свои заумные комментарии. Вам только дай волю – достанете ручку и блокнот и приметесь записывать все, что я скажу.

– Я ваш врач, мисс Бентон, – напоминает он с укором, как будто я об этом забывала хоть на миг. – Так и должно быть.

– Мы едем несколько часов, а я все это время под колпаком. И так, по-вашему, должно быть?!

– Вы преувеличиваете, – его убийственное спокойствие выводит меня из себя ещё больше.

– Ни капли. Но нам предстоит жить бок о бок, – перевожу дыхание. – И все время мучить меня своими докторскими замашками я вам не позволю!

– Повторюсь, я – ваш врач и мне необходимо наблюдать за вашим поведением.

– Сейчас мы просто едем в поезде, словно обычные попутчики. Приберегите своё профессиональное любопытство до Солти-Бич! Я не хочу, чтобы моя жизнь превратилась в бесконечный сеанс психотерапии! – выплёвываю, ожидая очередной лекции о том, что все это – для моего же блага.

Но доктор Браво и здесь удивляет... Никаких протестов и уговоров, он лишь шурится в задумчивости.

– Давайте так... Я умерю свой врачебный пыл, и мы попытаемся завязать обычный разговор? И чтобы вы не думали, будто это очередная уловка, выбирайте любую тему для

разговора.

– Любую?... – недоверчиво хмурюсь я.

– В пределах разумного, конечно! Но тон беседы задаёте вы.

Секунду раздумываю, а стоит ли соглашаться или лучше послать его к черту, но любопытство перевешивает, и я выпаливаю давно интересующий меня вопрос.

– Как же так вышло, что мы сейчас едем в Солти-Бич? – вопрос, кажется, ставит его в тупик своей неожиданностью и это чертовски приятно.

– Хм... Думаю, об этом я не вправе рассказывать, – спустя несколько секунд все-таки находится он.

– Я так и знала! – мой победный возглас заполняет купе. – Поймите, данный вопрос обсуждать с пациентом не совсем этично и уместно, – оправдывается он.

– А я не жду подробностей, мне нужны факты, – поддеваю его той самой фразой, сказанной им же во время нашего последнего официального сеанса в стенах клиники.

– Справедливо... – доктор Bravo даёт понять, что помнит свою же реплику. – Хорошо. Как я уже говорил, я высказал своё мнение руководству, относительно вашего лечения в клинике. – Вот так завуалированно он, по всей видимости, обозначил Пейджа. – И подал идею о реабилитации в Солти-Бич, но...

– Но руководство её не одобрило?

– Не одобрило, – не обращая внимания на мой ироничный

тон, продолжает доктор Браво. – Тогда я и воспользовался своими связями.

Замечаю, что он рваным движением проводит ладонью по волосам, как будто немного нервничая. Похоже, дело не только в морали – по каким-то причинам ему не хочется говорить на эту тему даже в общих чертах.

Черта с два. Побудьте в моей шкуре, доктор Браво!

– И кто же с вами на короткой ноге?.. Министр здравоохранения?

– Вашей фантазии можно только позавидовать. Но мы договаривались обойтись без деталей, так что... – он пожимает плечами, давая понять, что ничего больше не скажет.

Вот тебе и откровенный разговор... Значит, моя догадка верна, но я решаю больше не допытываться.

До поры до времени.

– Ладно, пусть мои фантазии останутся при мне.

– Мы к ним вернёмся на одном из сеансов, если вы не против, – он уже улыбается, немного неискренне, но все же не подкопаешься.

– Обрадовали... Ладно, а что было дальше?

– А дальше... я добился своего, но мне поставили условие – в Солти-Бич рядом с вами должен быть врач...

– Но почему именно вы? – все равно не унимаюсь я. – Вам что, премию пообещали? – не удерживаюсь от ехидного замечания.

– Если бы. – С преувеличенным разочарованием вздыхает

он. – Просто... раз уж я сам заварил эту кашу, то мне и расхлёбывать. Тем более, что идея полностью моя, значит мне и нести ответственность. Да и не готов я был доверить ваше лечение вне клиники кому-то ещё.

– Скажите лучше, что никто больше не подписался на такую авантюру.

– Я опрос не проводил, но думаю, вы правы – вряд ли кто-то решился бы...

– Поставить на кон свою карьеру?

– С чего это вы взяли, что на кону моя карьера? – его брови удивлённо поползли вверх.

– Руководство подсказало. И мне было сказано, что в случае чего, даже ваши могущественные покровители вам уже не помогут.

– Ах это... Не берите в голову. Думаю, вам пора поесть и принять таблетки. Я закажу еду.

Он поднимается, прерывая, тем самым, щекотливый разговор, и направляется к двери.

– В итоге наша игра в откровенность оказалась значительно короче сеанса психотерапии, – бросаю я.

– Зато она вышла более продуктивной, вы не находите? – он уже взялся за ручку двери.

– Ну да. Подведём итоги и сложим два и два... Вы ввязались во все это дерьмо, потому что никто больше не подписался, а идея принадлежала вам.

– Я ввязался во все это, – доктор Bravo оборачивается и

пристально смотрит мне в глаза, – потому что верю в вас, Джиллиан. Вот и вся арифметика. _____

Дорогие друзья!

Не пропустите – отношения Джилл и доктора Браво будут только набирать обороты, мы погрузимся в проблемы Джилл и раскроем тайны Дока! И на таком непрочном фундаменте появится доверие и даже... любовь.

Приятного чтения!

Другие мои истории [ЗДЕСЬ](#)

И не забудьте подписаться, чтобы не пропускать новости о новинках, скидках, акциях и розыгрышах!

Глава 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.